

ДАНИЭЛА СТИЛ

...поверить в себя и побороться
за простое человеческое счастье.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ
НЕГОДЯЙ

Даниэла Стил

Очаровательный негодяй

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Очаровательный негодяй / Д. Стил — «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-04-094814-7

Максин Уильямс, преуспевающий психолог и мать троих детей, давным-давно рассталась с мужем-миллионером и неисправимым ловеласом Блейком. Они не понимали друг друга и мечтали совершенно о разном: она – о крепкой и дружной семье, он – о бесконечном веселье и вечеринках. Но именно тогда, когда Максин выстроила жизнь по собственному вкусу и встретила достойного, надежного мужчину, окружившего ее теплом и заботой, на горизонте снова появился красавец Блейк. Чего хочет этот негодяй? Просто помириться? Или за его настойчивыми действиями скрываются ревность и нежелание отдавать любимую женщину другому? Ранее книга выходила под названием «Негодяй»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-094814-7

© Стил Д., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Даниэла Стил

Очаровательный негодяй

Danielle Steel
ROGUE

© Суханова В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Маленькую одномоторную «Сессну-Караван», летевшую над болотами к западу от Майами, невероятно трясло и болтало. С высоты, которую уже набрал самолет, открывались великолепные пейзажи, как с рекламной открытки. Но в открытую дверь самолета врывался сильный ветер, и вцепившейся в ремни безопасности девушке было не до красот природы. Она видела лишь бесконечные небесные просторы. Стоявший за спиной мужчина долго уговаривал ее наконец-то совершить прыжок.

– А что, если парашют не раскроется? – в ужасе спрашивала она.

Большие глаза этой блондинки с прекрасной фигурой и прелестным личиком стали огромными от страха.

– Не сомневайся, Белинда, он обязательно раскроется, – заверил ее Блейк Уильямс.

Он уже много лет занимался затяжными прыжками с парашютом, и ему доставляло огромное удовольствие делиться восторгом и радостью от этого занятия с другими людьми.

Неделю назад Белинда, выпив лишнего в престижном частном ночном клубе на Саут-Бич, опрометчиво согласилась прыгнуть вместе с ним. На следующий день Блейк оплатил для нее восемь часов занятий с инструкторами и пробный прыжок с ними. И вот теперь Белинда готовилась прыгнуть самостоятельно.

Это было всего лишь третье свидание Белинды и Блейка. А перед этим он так заманчиво описывал ей свои занятия парашютным спортом, что после второго бокала коктейля «Космополитен» Белинда легкомысленно приняла приглашение составить ему компанию и совершить прыжок. Она не сразу поняла, во что ввязалась, и только теперь начала испытывать страх. Белинда не могла взять в толк, каким образом Блейку удалось подбить ее на эту авантюру.

Во время пробного прыжка с двумя инструкторами Белинда боялась до смерти. Тем не менее она с нетерпением ждала, когда наконец Блейк пригласит ее прыгнуть вместе с ним, ждала этого ни с чем несравнимого волнующего момента. Белинда готова была идти за этим обаятельным шалопаем в огонь и воду.

Но сейчас она оробела. Как страшно шагнуть в бездну!.. И тогда Блейк повернул Белинду к себе и поцеловал. Трепет и волнение охватили ее, страх отступил. Собравшись с духом, она шагнула вперед так, как учили инструкторы.

Блейк прыгнул следом. Белинда зажмурилась и завизжала, чувствуя, как душа уходит в пятки. Целую минуту они находились в свободном падении, а когда она наконец открыла глаза, Блейк что-то жестами объяснял ей. Белинда поняла, что нужно дернуть за кольцо парашюта.

Они медленно парили над землей, и Блейк, широко улыбаясь, ободряюще поднял вверх два больших пальца. Белинда не могла поверить, что отважилась на второй затяжной прыжок. Впрочем, обаятельный и харизматичный Блейк мог заставить женщину сделать все, что угодно.

Белинда, двадцатидвухлетняя топ-модель, работала в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. С Блейком она познакомилась в Майами, куда приехала в гости к друзьям. Блейк прилетел туда из Сан-Барта на своем новеньком самолете, «Боинге-737», чтобы встретиться с приятелем. Эта мощная машина управлялась двумя пилотами. Для прыжков с парашютом Блейк нанял более скромный легкий самолет вместе с пилотом.

Блейк Уильямс достигал высот мастерства в любом деле, за которое брался. Первоклассный лыжник еще со студенческих времен, он профессионально водил самолет и уже много лет занимался парашютным спортом. Кроме того, Блейк хорошо разбирался в искусстве и был владельцем одной из самых известных в мире художественных коллекций. Он интересовался архитектурой, парусным спортом и женщинами. Прошел базовый курс обучения в Принстоне, а затем окончил Гарвардский университет по специальности «управление бизнесом». Блейку исполнилось сорок шесть лет. В возрасте тридцати пяти он удалился от дел и посвятил все свое

время любимым занятиям, стараясь увлечь ими тех, кто находился рядом. Он любил дарить окружающим радость и доставлять удовольствие.

Как утверждали друзья Белинды, хорошо знавшие Блейка, он отличался невероятной щедростью. О таком мужчине, пожалуй, могла мечтать каждая женщина, – богатый, умный, красивый, умеющий весело проводить время. Он пользовался большим успехом у представительниц прекрасного пола. Его считали выгодной партией, но тем не менее еще никому не удалось заманить его в свои сети. Отношения Блейка с женщинами в последние годы были кратковременными и поверхностными. Но несмотря на то что он всегда был инициатором разрыва, бывшие подружки продолжали любить его и хранили о нем самые приятные воспоминания.

Паря над пустынным пляжем, Белинда смотрела на Блейка глазами, полными обожания. Она все еще не могла поверить, что отважилась на прыжок. Белинда впервые в жизни испытывала такое потрясение, хотя вряд ли она когда-нибудь повторит этот подвиг.

Когда они в воздухе взялись за руки и Белинда взглянула в голубое безоблачное небо над головой, она поняла, что навсегда запомнит этот чудесный день.

– Здорово, правда? – крикнул Блейк, и она молча кивнула.

Слишком потрясенная, Белинда не могла говорить. Ее переполняли самые разные чувства. Белинде не терпелось рассказать всем знакомым о своем подвиге и в особенности о том человеке, вместе с которым она его совершила.

Несмотря на охвативший ее страх, Белинда ослепительно улыбнулась, коснувшись ногами земли. Двое поджидавших инструкторов отстегнули ее парашют. Блейк приземлился через несколько секунд неподалеку. Обняв трепещущую Белинду, он поцеловал ее.

– Ты была великолепна! – воскликнул Блейк и закружил ее на месте. – Молодец!

Белинда засмеялась:

– Нет, это ты молодец! Я и не подозревала, что способна на подобное безумие!

Они познакомились всего лишь неделю назад.

Друзья уже успели предупредить Белинду, чтобы она не строила серьезных планов и не рассчитывала на долгие отношения с Блейком Уильямсом. Блейк был готов ухаживать за любой красивой женщиной и не желал обременять себя никакими обязательствами. Белинда знала, что у ее нового знакомого было трое детей, самолет, яхта и полдюжины сказочных вилл и особняков. По слухам, он обожал свою бывшую жену. В настоящее время Блейк просто развлекался, наслаждаясь жизнью, и не собирался связывать себя семейными узами.

Он рано разбогател, занимаясь бизнесом в области высоких технологий и Интернета, а затем осуществил несколько удачных инвестиционных операций, о которых теперь в деловом мире ходили легенды. У Блейка Уильямса было все, что он хотел. Все его мечты сбывались, любое желание сразу же исполнялось.

Когда они шли вдоль берега к парковке, где их ждал джип, Блейк неожиданно обнял Белинду, прижал ее к себе и страстно поцеловал в губы. Она знала, что навсегда запомнит этот чудесный миг. «Интересно, много ли женщин могут похвастаться тем, что прыгали с парашютом вместе с Блейком Уильямсом?» – спрашивала она себя. Да, наверное, их было действительно много, но не все они отличались отвагой.

Дождь барабанил в окна офиса Максина Уильямса на Восточной Семьдесят девятой улице Нью-Йорка. Подобные обильные осадки в ноябре здесь были зарегистрированы более пятидесяти лет назад. На улице было пасмурно, холодно, сыро, а в офисе, где Максин проводила по десять-двенадцать часов в день, она чувствовала себя комфортно. На светло-желтых стенах висели абстрактные картины в приглушенных тонах. Предназначенные для пациентов большие бежевые кресла были мягкими и удобными. На рабочем столе в идеальном порядке лежало наготове все необходимое.

Он отличался такой функциональностью, что, казалось, на нем при желании можно было провести даже хирургическую операцию.

Все в офисе Максин выглядело аккуратным и находилось на своем месте. И сама хозяйка офиса была безупречно причесана и одета. Максин не давала поблажки ни себе, ни секретарше Фелиции, которая работала у нее уже почти девять лет. Максин ненавидела беспорядок, неразбериху и перемены. Ее жизнь, похожая на идеально отлаженный часовой механизм, протекала гладко, без потрясений и срывов.

Висевший на стене в рамке диплом свидетельствовал о том, что Максин с отличием окончила медицинский факультет Гарвардского университета. Она была психиатром, специалистом по психическим травмам детей и подростков. Обладая огромным опытом в лечении шизофрении, маниакально-депрессивного психоза и суицидального поведения у подростков, Максин гордилась своими успехами, поскольку помогла немалому числу пациентов. Две ее книги о воздействии травм на психику детей в раннем возрасте пользовались заслуженной популярностью у широкого круга читателей. Максин часто приглашали для консультаций в другие города и страны после стихийных бедствий, катастроф и крупных терактов. Она, в частности, работала с детьми и учителями, пострадавшими в Коламбайне от рук преступника, устроившего стрельбу в школе, а также написала несколько статей о влиянии на психику трагических событий 11 сентября.

В сорок два года ей удалось стать крупным специалистом в психиатрии, признанным коллегами и общественностью. К ней постоянно обращались с интересными предложениями и проектами, от которых ей чаще всего приходилось отказываться из-за нехватки времени. У Максин был очень плотный график, ее дни расписаны по минутам.

Но несмотря на крайнюю занятость, Максин всегда находила время пообщаться с детьми. Дочери Дафне было тринадцать лет, старшему сыну Джеку двенадцать, а младшему Сэму совсем недавно исполнилось шесть. Как любой работающей женщине, Максин приходилось совмещать карьеру и воспитание детей. На помощь бывшего мужа она не надеялась. Он всегда появлялся внезапно, как радуга на небе, и так же внезапно исчезал. Забота о детях полностью ложилась на плечи матери.

Поджидая следующего пациента, Максин взглянула в окно, и тут на ее столе зазвонил аппарат внутренней связи. Вероятно, секретарша хотела сообщить о приходе пятнадцатилетнего подростка. Но Фелиция сказала, что звонит муж Максин.

– Бывший муж, – сердито поправила она секретаршу. Максин развелась пять лет назад и считала, что она и дети прекрасно обходятся без главы семейства.

– Простите, но он всегда называет себя вашим мужем, представляясь по телефону.

Блейк Уильямс, неизменно любезный, непременно спрашивал Фелицию, как идут дела у ее бойфренда и как поживает ее собака. Он не мог не нравиться.

– Ничего страшного, – сказала Максин и взяла трубку. Она не знала, где сейчас находится бывший муж Блейк.

Он не виделся с детьми уже четыре месяца. В июле он брал их с собой в Грецию, куда ездил в гости к друзьям. Дети любили отца, но знали, что в отличие от матери ему свойственны непостоянство и ветреность. Они прощали ему все причуды и выходки. Максин тоже в течение десяти лет все прощала мужу, но потом у нее лопнуло терпение. Отсутствие чувства ответственности и вечная погоня за удовольствиями могут вывести из себя даже ангела.

– Привет, Блейк. – Максин откинулась на спинку кресла. Несмотря на развод, они остались друзьями. – Где ты сейчас?

– В Вашингтоне. Прилетел сегодня из Майами – провел пару недель в Сан-Бартеле.

Перед мысленным взором Максин тут же возник их дом, расположенный в этом местечке. Она не видела его пять лет. При разводе Максин, не раздумывая, оставила виллу бывшему мужу.

– Ты заедешь в Нью-Йорк повидаться с детьми?

Максин не стала напоминать Блейку, что навещать детей его долг. Он и сам прекрасно знал это, но был слишком занят. Несмотря на всю свою любовь к детям, он не уделял им должного внимания. Но они все равно обожали его. И Максин тоже обожала бывшего мужа. Никто не мог устоять перед обаянием Блейка. Он не имел врагов, его окружали только друзья.

– Если бы ты знала, как мне хочется повидаться с ними, но сегодня вечером я улетаю в Лондон, – извиняющимся тоном сказал он. – Завтра я должен встретиться с одним архитектором, перестраиваю дом. А еще я купил настоящий дворец в Марракеше. Потрясающее место! На следующей неделе лечу туда.

Блейк хвастался, как мальчишка.

– Ну да, только этого тебе не хватало, – качая головой, сказала Максин.

Блейк был неисправим, он покупал дома по всему миру, а потом перестраивал их, нанимая знаменитых архитекторов и дизайнеров. Причем Блейк любил сам процесс перестройки больше, чем конечный результат.

Он уже купил дом в Лондоне, виллы в Сан-Бартелеми и Аспене, верхнюю половину палаццо в Венеции, пентхаус в Нью-Йорке, а теперь еще и дворец в Марракеше. Максин не понимала, что он собирается делать со всей этой собственностью. Впрочем, за что бы ни брался Блейк, он всегда достигал потрясающего результата. Он обладал отличным вкусом, и у него всегда были смелые дизайнерские идеи. Все его дома поражали своей элегантностью и изысканностью.

Блейк владел одной из самых больших яхт в мире, хотя пользовался ею всего несколько недель в году. В остальное время он предоставлял ее в распоряжение своих друзей. Блейк обожал африканское сафари и часто совершал поездки в Азию, где закупал предметы искусства, пополняя свою коллекцию. Из двух поездок в Антарктику Блейк привез потрясающие фотографии айсбергов и пингвинов. Круг интересов и увлечений Блейка простирался намного шире, чем круг интересов Максин.

Максин удовлетворяла ее хорошо налаженная, размеренная жизнь в Нью-Йорке. Дневные часы она проводила в офисе, а по вечерам возвращалась в уютную квартиру, окна которой выходили на Парк-авеню и Восточную Восемьдесят четвертую улицу. Здесь она жила вместе с тремя детьми.

Максин всегда возвращалась с работы пешком. Эта короткая прогулка помогала ей восстановить силы после трудового дня, в течение которого она выслушивала печальные истории своих пациентов. Многие коллеги-психиатры часто отсылали к ней потенциальных самоубийц, зная, что Максин обладает большим опытом в работе такого рода. Она любила свою профессию, поскольку чувствовала, что нужна людям.

– Как дела, Максин? Как поживают дети? – спросил Блейк.

– У них все в порядке. Джек увлекся футболом, его ценят в команде, – с гордостью сказала Максин.

У нее было такое чувство, что она рассказывает о детях не родному отцу, а любимому дядюшке. К сожалению, Блейку оказалась чужда не только роль отца, но и роль мужа.

Он стремился лишь к одному – получать как можно больше удовольствий от жизни.

Разбогатев, Блейк удалился от дел и стал настаивать на том, чтобы Максин тоже перестала практиковать. Но Максин отдала слишком много сил своей карьере и не хотела бросать работу. Она не могла и не желала отказываться от профессии только потому, что у нее богатый муж. Ее мало интересовали деньги Блейка. И хотя Максин любила мужа, она в конце концов приняла решение расстаться с ним. Их характеры и взгляды на жизнь разительно отличались. Педантичность Максин шла вразрез с сумбурностью Блейка. Он сеял хаос вокруг себя. Там, где сидел Блейк, обычно образовывался беспорядок – груды журналов, книг, газет, недоеденные бутерброды, лужи от пролитых напитков, скорлупа орехов, кожура бананов, недопитые банки с содовой, упаковка от фастфуда, которую он забывал выбросить.

Блейк вечно таскал с собой чертежи новых строительных проектов, в его карманах скапливались записки с напоминанием о том, что он обещал кому-то позвонить. Но, как правило, записки в конце концов терялись, а обещания оставались невыполненными. Блейку постоянно звонили знакомые, интересовавшиеся, где он сейчас находится. Талантливый бизнесмен, в повседневной жизни он отличался безалаберностью.

Максин устала от того, что была единственным взрослым человеком в семье. Блейк часто вел себя безответственно. Сэм родился в тот день, когда Блейк улетел на кинопремьеру в Лос-Анджелес. Его не было дома и когда приходящая няня уронила восьмимесячного малыша и он сломал ключицу и руку. Не сказав никому ни слова, Блейк в тот день улетел в Кабо-Сан-Лукас, чтобы осмотреть выставленный на продажу дом, построенный по проекту известного мексиканского архитектора. Блейк потерял мобильный, и Максин двое суток не знала, куда пропал муж. Когда же Блейк вернулся в Нью-Йорк, Максин потребовала развода.

Она понимала, что ей нужен более спокойный, рассудительный человек. По ее мнению, деньги испортили Блейка и он уже вряд ли остепенится. Его никогда не было дома, и Максин в конце концов решила, что без него ей будет легче. После развода ей по крайней мере не придется тратить драгоценное время на поиски мужа, на ожидание его звонков и известий о нем. Но когда она сообщила Блейку о своем решении развестись, он искренне удивился. Они оба долго плакали. Блейк уговаривал жену хорошенько подумать и не рубить сплеча, но Максин не стала менять решение.

Они любили друг друга, но Максин заявила, что этого ей мало. Их пути разошлись. Блейк стремился к развлечениям, он играл, а не жил. А для Максин главным в жизни были дети и работа. В молодости несхожесть их характеров и устремлений казалась не такой заметной. Но с тех пор Максин повзрослела, а Блейк остался таким же озорным мальчишкой, как и прежде.

– Я обязательно схожу на матч с участием команды Джека, когда приеду в Нью-Йорк, – пообещал Блейк.

Слушая его, Максин следила, как по стеклу стекают ручейки дождя. «Когда это будет?» – печально думала она, но не стала вслух задавать вопрос. Впрочем, они без слов понимали друг друга. Блейк прекрасно знал свою жену. Им всегда было хорошо вместе. Максин считала Блейка родным человеком, именно поэтому ей было очень трудно расстаться с ним.

– Приеду через пару недель на День благодарения, – ответил Блейк на незаданный вопрос.

Максин вздохнула:

– Мне сказать об этом детям или лучше подождать?

Она не хотела, чтобы они снова пережили разочарование. У Блейка было семь пятниц на неделе. Его планы могли измениться в любой момент. Максин считала самым негативным качеством бывшего мужа непостоянство и легкомыслие. Он порхал по жизни, как мотылек. Максин боялась увидеть выражение боли и обиды в глазах детей, если их ожидания будут обмануты.

Маленький Сэм не мог помнить то время, когда родители еще жили вместе, но он все равно всем сердцем любил отца. Они развелись, когда мальчику был год. Сэм привык, что главой семьи является мама. Джек и Дафна лучше знали отца. Впрочем, их воспоминания о раннем детстве были довольно смутными.

– Можешь сказать им о моем приезде, Максин, – проговорил Блейк. – А как ты? В порядке? Надеюсь, дождалась принца на белом коне?

Максин улыбнулась. Блейк постоянно задавал ей этот вопрос. В его жизни было много романов, правда, кратковременных. Что же касается Максин, то она не проявляла интереса к мужчинам. У нее не было ни времени, ни желания заводить новые отношения.

– Последний раз ходила на свидание год назад, – призналась она.

Максин ничего не скрывала от бывшего мужа. Теперь он стал ей как брат. Впрочем, Блейк не имел возможности что-либо утаивать от нее, впрочем, так же как и от всех остальных. Весь мир находился в курсе его личной жизни. О его романах с моделями, актрисами, рок-звездами, наследницами крупных состояний и другими женщинами писали в светской хронике многих газет. В течение нескольких месяцев Блейк появлялся на людях в обществе знаменитой аристократки. И Максин еще раз убедилась в том, что она и ее бывший муж живут в двух разных мирах. Они существовали под знаком противоположных стихий: Максин – земли, а Блейк – огня.

– Это никуда не годится, – упрекнул ее Блейк. – Ты слишком много работаешь, так нельзя.

– Я люблю свою работу.

Это не являлось новостью для Блейка. Он знал, что Максин занимается любимым делом. Когда они жили вместе, ему с трудом удавалось заставить ее устроить себе хотя бы один выходной в неделю. Сейчас Максин тоже напряженно работала, однако все уик-энды теперь проводила с детьми. По мнению Блейка, в этом смысле бывшая жена изменилась в лучшую сторону. Максин ездила с детьми на побережье в Саутгемптон. После развода там остался дом – довольно красивый, но слишком простой для Блейка.

– Можно я поужинаю с детьми в День благодарения? – осторожно спросил он.

Зная, что Максин имела обыкновение все планировать заранее, Блейк не хотел нарушать ее планы.

– Мы приглашены на обед к родителям, а вечером ты можешь взять детей с собой на ужин.

Отец Максин тоже был медиком, хирургом-ортопедом. Она унаследовала от него педантичность и дотошность. Максин всегда дружила с отцом, он являлся для нее примером в жизни. А отец, в свою очередь, гордился успехами дочери. Мать Максин никогда не работала, полностью посвятив себя воспитанию дочери – единственного ребенка в семье. Детство Максин коренным образом отличалось от детства Блейка.

Еще в младенчестве Блейка усыновила пожилая супружеская чета. Позже он разыскал свою биологическую мать. Она оказалась уроженкой Айовы, родила его в пятнадцатилетнем возрасте. Когда Блейк встретился с ней, она уже была женой полицейского и матерью еще четверых детей. Женщина очень удивилась неожиданному появлению Блейка. У них не было ничего общего.

Блейку стало жаль эту женщину с ее тяжелой жизнью: муж пил, в семье вечно не хватало денег. Мать рассказала Блейку о его биологическом отце – семнадцатилетнем красивом парне с необузданным характером. По ее словам, он погиб в автокатастрофе через два месяца после окончания средней школы. Впрочем, даже если бы он и остался в живых, то все равно не женился бы на ней.

Родители биологической матери Блейка были ярыми католиками. Они заставили дочь отказаться от внебрачного ребенка и отвезли ее в другой город, чтобы никто из соседей и знакомых не знал о ее беременности.

Приемные родители Блейка оказались добрыми, порядочными людьми. Отец, адвокат по налоговым делам с Уолл-стрит, научил Блейка разбираться в принципах инвестирования. Он уговорил сына сначала поступить в Принстонский университет, а затем в Гарвард, где Блейк окончил факультет управления бизнесом. Мать Блейка принимала участие в волонтерском движении и передала сыну свою убежденность в том, что надо не только брать, но и безвозмездно давать людям. Блейк хорошо усвоил родительские уроки. Он основал несколько благотворительных фондов и часто оказывал материальную помощь нуждающимся.

Родители Блейка умерли вскоре после его женитьбы, к глубокому его сожалению, так и не увидев внуков. Эти замечательные, любящие, преданные семье люди не дожили до звездного

часа сына. Иногда Блейк спрашивал себя, как отнеслись бы родители к его нынешнему образу жизни. Такие мысли обычно приходили к нему по ночам. Скорее всего мать и отец не одобрили бы его.

Блейк сознавал, что потакает своим слабостям, проводит время в праздности и удовольствиях. Он успокаивал себя тем, что не причиняет никому вреда, живя так, как ему нравится. Блейк хотел бы чаще видеться с детьми, но у него не хватало на них времени. А когда он наконец встречался с ними, то готов был выполнить любое их желание, любой каприз, любую прихоть. Он был для них своего рода Санта-Клаусом, осуществлявшим все заветные мечты.

Отец баловал детей. Если Максин являлась для них повседневной опорой в жизни, то Блейк был добрым волшебником, дарившим праздник и веселье. В молодости Максин точно так же воспринимала мужа, но затем она повзрослела, а он нет.

Блейк справился о здоровье родителей Максин. Он любил ее отца, трудолюбивого серьезного человека с твердыми моральными принципами. Максин очень походила на него. Несмотря на разные характеры и взгляды, отец Максин и Блейк хорошо ладили друг с другом. Старик шутливо называл зятя «негодяем», и это нравилось Блейку. Ему казалось, что слово «негодяй» звучит очень сексуально.

В последние годы отец Максин сильно разочаровался в образе жизни Блейка, уделявшего мало внимания детям. Все тяготы воспитания ложились на плечи его дочери, которой пришлось взвалить на себя все заботы о семье.

– Увидимся в День благодарения, – сказал Блейк на прощание. – Я позвоню утром и сообщу о точном времени прибытия. Если хочешь, можешь поужинать вместе с нами.

Он надеялся, что Максин примет его приглашение. Блейку нравилось общество бывшей жены. Для него она все еще была любимой и желанной. Ему было бы приятно, если бы Максин немного отдохнула и расслабилась за праздничным столом. По мнению Блейка, она слишком усердствовала, строго следуя принципам протестантской трудовой этики.

Как только Максин попрощалась с бывшим мужем, раздался звонок аппарата внутренней связи. Секретарша доложила, что пришел пятнадцатилетний пациент Максин. Войдя в кабинет, подросток сначала сел в одно из больших мягких кресел и только после этого взглянул на Максин и поздоровался.

– Привет, Тед, – сказала она. – Как дела?

Подросток пожал плечами. Встав, Максин плотно закрыла дверь в кабинет и начала сеанс психотерапии.

Тед два раза пытался повеситься. Максин направила его на лечение в психиатрическую клинику, где он провел три месяца. Две недели назад подросток выписался из клиники и теперь жил дома. Симптомы психического расстройства появились у него в тринадцатилетнем возрасте. Он приходил на прием к Максин три раза в неделю и раз в неделю посещал занятия в группе подростков, склонных к суициду. Максин считала, что Тед идет на поправку. Максин очень любила своих юных пациентов, и они отвечали ей взаимностью, видя в ней хорошего доктора и доброго, отзывчивого человека.

Сеанс длился пятьдесят минут. Затем для Максин наступал десятиминутный перерыв, во время которого она успевала сделать несколько срочных звонков. В пять часов она приняла последнюю пациентку, шестнадцатилетнюю девушку, страдавшую анорексией. Этот рабочий день, как и все другие, был трудным, насыщенным, интересным, требовавшим полной концентрации сил и внимания. В шесть тридцать вечера Максин вышла из офиса и, несмотря на дождь, отправилась пешком домой.

Всю дорогу она думала о Блейке, радуясь, что он приедет в Нью-Йорк на День благодарения. Дети придут в восторг, когда узнают о скорой встрече с отцом. На Рождество Блейк, вероятно, пригласит их к себе на виллу в Аспен. Там он, как правило, проводил конец года. Впрочем, она не могла знать наверняка, куда и когда отправится ее бывший муж. А теперь еще

у него появился новый дом в Марокко. Уследить за перемещениями Блейка по миру становилось все сложнее.

Максин не собиралась предъявлять претензии Блейку. Она знала, что его не переделать – таким уж он уродился. В нем не было подлости и коварства, но вместе с тем у него напрочь отсутствовало чувство долга и ответственности. Блейк как будто не желал взрослеть. Детскость придавала ему особое обаяние. С Блейком было приятно общаться тому, кто не требовал от него многого. Он заражал окружающих своим задором и весельем, а затем снова надолго исчезал с горизонта.

Максин часто спрашивала себя, как сложилась бы судьба Блейка, если бы он не разбогател в тридцать два года. Большие деньги кардинально изменили жизнь Блейка и его семьи. Как было бы хорошо, если бы все оставалось по-прежнему! В первые годы брака они жили очень дружно. Максин порой жалела о том, что мужу удалось сколотить состояние. Деньги его испортили.

Максин познакомилась с Блейком, когда работала в Стенфордской больнице. Он занимался в Силиконовой долине инвестициями в сферу высоких технологий. У него было множество идей и планов, суть которых Максин с трудом понимала. Но Блейк покорила ее своей неиссякаемой энергией и увлеченностью. Они встретились на вечеринке, куда Максин поначалу не хотела идти. Накануне она в течение двух суток дежурила в травматологическом отделении больницы, и у нее слипались глаза от усталости. Максин едва не заснула на той вечеринке. Но когда туда явился Блейк, ей стало не до сна.

На следующий день Блейк пригласил ее покататься на вертолете, и они, покружив над заливом, пролетели под мостом «Золотые Ворота». Их тянуло друг к другу, и любовь вспыхнула в их сердцах, как пожар в сухом лесу в ветреный день. Примерно через год они поженились. Максин, которой к тому времени исполнилось двадцать семь лет, была на седьмом небе от счастья. Через десять месяцев после свадьбы Блейк продал свою инвестиционную компанию за хорошие деньги и так удачно вложил их, что в результате этой рискованной финансовой операции разбогател. Максин восхищались ум и прозорливость мужа.

Через два года после свадьбы, когда у них уже была Дафна, Блейк сколотил огромное состояние и стал уговаривать жену отказаться от карьеры врача. Но она не соглашалась. Вскоре Максин стала признанным специалистом в области подростковой психиатрии и родила Джека. А Блейк в это время купил дом в Лондоне, виллу в Аспене и заказал большую яхту. Семья переехала в Нью-Йорк. Прошло несколько месяцев, и Блейк отошел от дел. Что же касается Максин, то она и не думала бросать работу даже после рождения второго ребенка. Ее декретный отпуск длился недолго, гораздо короче тех путешествий, которые Блейк совершал по всему миру. Максин наняла няньку и вернулась на работу.

Образ жизни Блейка пугал ее. В то время как Максин открыла свою практику и начала проводить научные исследования, Блейк нанял знаменитого дизайнера и поручил ему провести реконструкцию их дома в Лондоне и виллы в Аспене, а затем подарил Максин на Рождество дом в Сан-Бартелеми, а себе купил самолет. Череда перемен захлестнула их, как океанская волна. Максин оказалась не готова к этому. Баснословное богатство свалилось на нее как снег на голову. А тем временем фотографии Блейка замелькали на обложках глянцевого журналов.

Время от времени он делал крупные инвестиции, желая увеличить свое состояние, но это нельзя было назвать работой. Подобные операции совершались в течение нескольких минут по телефону или с помощью компьютера. В конце концов его общение с женой тоже свелось к телефонным звонкам. Когда им удавалось встретиться, Блейк был, как всегда, нежным и страстным с Максин, но супруги все реже виделись.

Однажды Максин дрогнула и начала задумываться о том, что ей, быть может, действительно следует пойти навстречу мужу и бросить работу. Она даже поговорила на эту тему с отцом. Но в конце концов Максин решила отказаться от этого неразумного шага. Что она

будет делать, если оставит карьеру? Летать вместе с Блейком по всему миру, останавливаясь в его многочисленных домах и в роскошных номерах дорогих отелей? Устраивать сафари в Африке, подниматься на горные вершины в Гималаях, финансировать археологические раскопки и участвовать в гонках яхт? Блейк, казалось, стремился все попробовать в этой жизни. Он часто подвергал опасности свое здоровье. Максин не имела возможности брать с собой малышей в совместные поездки, поэтому предпочла остаться вместе с детьми в Нью-Йорке.

Она не могла отказаться от любимой профессии. Максин чувствовала, что нужна людям, и это придавало ей сил. Две ее научно-исследовательские работы были отмечены престижными наградами. Однако порой Максин казалось, что она близка к помешательству. И тогда она пыталась дозвониться мужу в Венецию или в другое место, где он находился, а потом развивала кипучую деятельность, посещая курсы ухода за младенцами, погружаясь с головой в научные изыскания или читая лекции по психиатрии.

В конце концов Блейк перестал упрашивать ее оставить работу и смирился с тем, что ему придется путешествовать по миру в одиночестве. Он больше не мог сидеть на одном месте. Мир лежал у его ног, и Блейк стремился объездить его вдоль и поперек. Он все чаще отсутствовал, и Максин приходилось одной воспитывать детей. Дети оказались единственным мостиком, связывавшим супругов.

В течение следующих пяти лет они, по существу, жили порознь, изредка встречаясь в различных уголках земли. Однажды Максин прилетела к мужу на уик-энд в Гонконг, где он остановился на несколько дней после путешествия с друзьями по Непалу. Вскоре выяснилось, что она ждет ребенка. Эта беременность в отличие от двух предыдущих не вызвала у нее радости. Тогда же Максин выиграла грант для нового исследования в области анорексии у девочек-подростков. Третий ребенок был бы для нее большой обузой.

Но Блейк пришел в восторг, узнав о ее беременности. По его словам, он мечтал иметь полдюжины детей. Это вызвало у Максин невеселую улыбку. Он почти не виделся и с теми двумя, которые у них уже были. Когда родился Сэм, Джеку было шесть, а Дафне семь лет. Во время родов Блейка, как всегда, не было рядом с женой. Он прилетел на следующий день с подарками. Блейк вручил Максин роскошное кольцо с изумрудом в тридцать карат. Однако Максин не этого хотела от мужа. Она с тоской вспоминала то время, когда они жили в Калифорнии, оба работали и были счастливы. Тогда у Блейка еще не было баснословного состояния, которое перевернуло всю его жизнь.

Через восемь месяцев, когда Сэм по недосмотру приходящей няни упал и сломал руку и ключицу, Максин стала разыскивать мужа по всему свету. Оказалось, что он находится на пути в Венецию, желая купить палаццо и сделать сюрприз жене. Однако Максин уже была сыта по горло сюрпризами, подарками, новыми домами и архитектурными проектами мужа. Ей для жизни не нужно было столько особняков, вилл и коттеджей. А Блейк продолжал увлеченно знакомиться с новыми людьми, вкладывать деньги в новые проекты, покупать новые дома и пускаться в новые приключения. Максин все это надоело, и когда Блейк приехал в Нью-Йорк, узнав о несчастье, произошедшем с Сэмом, она расплакалась и заявила, что хочет развестись с ним. Максин долго рыдала на груди мужа, повторяя, что не может больше так жить.

– Почему ты отказываешься бросить работу? – говорил Блейк. – Ты тратишь на нее слишком много сил. Как было бы хорошо, если бы ты посвящала все свое время мне и детям! Мы могли бы нанять больше нянек и домработниц, и тогда у тебя появилась бы возможность путешествовать вместе со мной по миру.

Блейк сначала не воспринял всерьез ее слова о разводе. Они любили друг друга. Зачем же разводиться?

– Если я пойду у тебя на поводу, то наши дети останутся не только без отца, но и без матери, – прошептала Максин, прижавшись щекой к груди мужа. – Ты редко навещаешь домой. Когда в последний раз ты оставался с нами более чем на две недели?

Блейк глубоко задумался. Он действительно мало времени уделял воспитанию детей.

– Черт возьми, Максин, я не знаю, что сказать. Я никогда не думал об этом и не вел учет времени, проведенному дома.

– Вот именно! – Максин разрыдалась, а потом, немного успокоившись, высморкалась и продолжила: – Я никогда не знаю, где ты в данный момент находишься. Когда произошел несчастный случай с Сэмом, я несколько дней не могла тебя найти. А что, если бы он умер? Или я умерла? Ты даже не узнал бы об этом.

– Прости, малыш, я постараюсь всегда быть на связи. Мне казалось, ты все держишь под жестким контролем.

Он хотел свалить на нее всю ответственность за благополучие семьи, чтобы самому продолжать беззаботно развлекаться.

– Да, я забочусь о детях, но я устала тянуть эту лямку в одиночестве. Вместо того чтобы уговаривать меня бросить работу, ты лучше бы остепенился и прекратил скитаться по всему миру.

Максин не надеялась, что муж прислушается к ее словам, однако не могла не выразить свое возмущение.

– Но у нас несколько домов, расположенных в разных точках земного шара, и за ними надо присматривать. Кроме того, у меня много еще не реализованных проектов.

Блейк продюсировал в Лондоне постановку пьесы молодого драматурга, которого спонсировал уже на протяжении двух лет. Похоже, роль мецената нравилась Блейку куда больше, чем роль отца семейства. Он, конечно, любил жену и обожал детей, но ему было скучно безвыездно жить в Нью-Йорке. Максин восемь лет терпела выходки мужа, но ее терпению пришел конец. Ей требовались стабильность, душевное спокойствие, размеренный образ жизни, но Блейк ненавидел все это. Он не выносил никаких рамок и ограничений и всегда стремился раздвинуть любые горизонты. Блейк воплощал в себе понятие свободного духа, и Максин приходилось мириться с этим.

Постепенно она отвыкла от того, что у нее есть муж, на которого она может во всем положиться. Она уже не ждала от Блейка помощи и поддержки. Он любил Максин, но большую часть времени отсутствовал. Максин, по-видимому, не вписывалась в интересы Блейка, его устремления, планы, в его жизнь, наконец.

Поэтому, пролив немало слез, Блейк и Максин пять лет назад развелись тихо и мирно, как подобает цивилизованным людям. Блейк оставил жене и детям квартиру в Нью-Йорке и дом в Саутгемптоне. Он оставил бы ей больше недвижимости, но Максин воспротивилась. Сумма денежной компенсации, которую Блейк добровольно предложил Максин при разводе, оказалась столь внушительной, что ошеломила бы любого.

Блейк в глубине души чувствовал себя виноватым в том, что в последнее время уделял семье мало внимания, однако он не желал признавать своей вины. Он не смог бы жить в замкнутом мирке – в этом подобии спичечного коробка. Им владела неумная жажда свободы.

Максин отказалась от компенсационной суммы, согласившись получать от бывшего мужа только пособие на детей. Она хорошо зарабатывала и не желала ничего брать у Блейка для себя. В конце концов, это были его деньги, а не ее. Друзья Блейка не поверили, услышав, что Максин отказалась от предложенной ей астрономической суммы. Супруги не заключали добрачного контракта об имущественных отношениях, так как вступали в брак, не имея никакого имущества. В такой ситуации Максин могла бы претендовать на большую часть состояния мужа, но не стала этого делать. Она повела себя при разводе очень порядочно. Максин все еще любила Блейка и желала ему только счастья.

Ее порядочность еще больше расположила к ней Блейка. Они расстались друзьями. Максин говорила, что относится к бывшему мужу как к непутевому, взбалмошному брату. Когда Блейк начал встречаться с девушками вдвое моложе себя, она сначала пережила глубоко-

кое потрясение, но затем успокоилась, взглянув на вещи философски. Максин хотела только одного – чтобы пассии бывшего мужа хорошо относились к ее детям.

После расставания с мужем у Максин не было серьезных отношений. На работе она общалась с врачами и психиатрами, большинство которых были солидными женатыми людьми, свободное время проводила с детьми. Пару раз знакомилась с мужчинами, которые приглашали ее на свидания, но в душе ее не вспыхивало искры, и она прекращала общение с потенциальными женихами.

В сердце Максин все еще жила любовь к Блейку, которую она никак не могла вытравить. Максин не видела общего будущего с Блейком – безответственным, ненадежным, взбалмошным человеком, плохим отцом и мужем. Но вместе с тем для нее не было на свете более доброго, порядочного, великодушного и веселого мужчины, чем Блейк. Порой ей хотелось набраться храбрости и стать такой же отчаянно смелой и свободной, как он. Но Максин, как воздух, нужны были порядок, стабильность, ощущение твердой почвы под ногами. Она никогда не смогла бы жить так, как ее бывший муж. Ей не хватало отваги, чтобы исполнить свои самые безумные мечты, и поэтому она иногда даже завидовала Блейку.

Наделенный огромной силой духа, Блейк, не раздумывая, шел на крайний риск в бизнесе и жизни и добивался успеха. Максин казалась себе серой мышкой по сравнению с ним. И хотя она состоялась как личность, по ее убеждению, Блейк во многом превосходил ее. Она жалела об их распавшемся браке и радовалась, что у них были дети. Сыновья и дочь стали смыслом ее жизни. Максин в свои сорок два года уже не пыталась найти себе мужа. Она отдавала много времени и сил любимой работе и обожала детей, не чувствуя себя чем-то обделенной или ущербной.

Когда Максин вошла в здание на Парк-авеню, расположенное в пяти кварталах от ее офиса, швейцар коснулся головного убора в знак приветствия. Это была старая постройка, возведенная еще до Второй мировой войны и выглядевшая довольно солидно. Одежда Максин промокла от дождя. От порывов сильного ветра у нее сломался зонтик почти сразу же, как только она вышла из офиса, и Максин выбросила его по дороге. Плащ Максин был мокрым насквозь, а с собранных в конский хвост светло-русых волос струилась вода. В этот день Максин не стала делать макияж, ее лицо и без декоративной косметики выглядело молодым и свежим. Она была высокой тонкокостной женщиной с потрясающими ногами, как утверждал Блейк. Правда, Максин, несмотря на такую оценку, все равно редко надевала короткие юбки. Она всегда выглядела моложе своих лет.

На работе Максин обычно носила слаксы, а в выходные дни надевала джинсы. Скромная и сдержанная, она не принадлежала к той категории женщин, которые пользуются своей привлекательностью и сексуальностью для достижения поставленных целей. Блейк часто снимал с нее очки, в которых она работала за компьютером, распускал роскошные волосы цвета спелой пшеницы, и тогда Максин моментально преображалась и хорошела. Неудивительно, что у Максин и Блейка родились красивые дети.

В отличие от Максин у Блейка были темные волосы, но глаза синие, так же как и у нее. Несмотря на высокий рост Максин, Блейк был на голову выше. Дафна и Джек унаследовали от отца иссиня-черные волосы, а ярко-синие глаза достались им от обоих родителей. Сэм же, напротив, удался в дедушку по материнской линии с его светлыми волосами и зелеными глазами.

Оставив в кабине лифта лужу дождевой воды, Максин поднялась на свой этаж, где располагались всего две квартиры. Бывшие соседи несколько лет назад переехали во Флориду, и вторая квартира с тех пор пустовала, поэтому Максин не беспокоилась о том, что ее дети будут слишком шуметь и мешать другим жильцам.

Снимая плащ в прихожей, она услышала громкую музыку, доносившуюся из комнаты. Сбросив промокшие туфли, Максин взглянула на себя в зеркало и рассмеялась. Она была мокрой как мышь и дрожала от холода.

– Что с вами? – изумилась Зельда, нянька, уже много лет работавшая у Максина. Выйдя в прихожую со стопкой чистого постельного белья, она застыла от удивления. – Вы добирались до дома вплавь? Почему не взяли такси?

– Хотела немного подышать свежим воздухом, – улыбнулась Максин.

Полная круглолицая Зельда, заплетавшая гладко зачесанные назад волосы в толстую косу, была ровесницей Максина. Она так и не вышла замуж, начав работать нянькой с восемнадцати лет. Максин наняла ее сразу же после рождения первенца.

Пройдя на кухню, Максин увидела сидевшего за столом Сэма, который что-то сосредоточенно рисовал. Малыш был одет в свежую пижаму и, судя по всему, только что искупался. Зельда торопливо налила хозяйке дома чашку горячего чая. Максин с удовольствием возвращалась домой, где царил полный порядок. Чистюля Зельда ухаживала за детьми и готовила, пока матери не было дома. А по выходным Максин брала хозяйство в свои руки. Зельда в эти дни ходила в театр или читала книги в своей комнате рядом с кухней. Максин не сомневалась в ее честности и преданности детям. Зельда уже двенадцать лет жила у них в доме и стала членом семьи. Она была невысокого мнения о Блейке, которого считала смазливym, избалованным ловеласом, пренебрегающим родительскими обязанностями. На ее взгляд, дети заслуживали лучшего отношения к себе. Максин не спорила с Зельдой. Каждая из них оставалась при своем мнении. Что тут поделаешь? Максин любила Блейка, а Зельда нет, и это все объясняло.

Стены кухни были отделаны панелями светлого дерева, с которыми хорошо гармонировали бежевые мраморные столешницы кухонного гарнитура. Пол тоже был из светлого натурального дерева. В этом уютном помещении часто собиралась вся семья. Здесь стояли диван и телевизор, по которому Зельда смотрела «мыльные оперы» и ток-шоу. Она любила пересказывать то, что увидела накануне, и приводить в качестве примера различные ситуации из телепередач.

– Привет, мама, – сказал Сэм, оторвав глаза от рисунка.

– Привет, мой милый. Как прошел день?

Максин поцеловала малыша в макушку и взъерошила ему волосы.

– Нормально. Стиви сегодня вырвало прямо в классе, – сообщил Сэм и, положив фиолетовый мелок, взял из коробки зеленый.

На его рисунке были изображены дом, ковбой и радуга. Увидев это, Максин улыбнулась. У нее не было причин для тревоги. Сэм рос нормальным ребенком в благополучной семье. Он, конечно, скучал по отцу. Сэму не хватало его больше, чем старшим детям, которые не так остро переживали расставание с Блейком.

– Плохо, – сказала Максин, надеясь, что бедняга Стиви съел что-то недоброкачественное и все обойдется. Было бы хуже, если бы в школе снова началась эпидемия гриппа. – А ты как себя чувствуешь?

– Хорошо.

Зельда заглянула в духовку, где готовился ужин.

– Мама, можно я надену твой черный джемпер? – спросила вошедшая в кухню Дафна.

Ей исполнилось тринадцать лет, и ее фигура уже начала округляться, приобретая женственные формы. Дафна перешла в восьмой класс. Все дети ходили в Далтонскую школу, которую очень ценила Максин.

– Какой джемпер? – спросила она.

– Тот, который с белым мехом, помнишь? – Дафна отрезала ножом кусочек от лежавшего на столе яблока. – Эмма устраивает сегодня вечеринку.

Дафна старалась говорить небрежным тоном, но от матери не укрылось волнение девочки. Сегодня пятница – с недавних пор Дафна стала каждый уик-энд ходить на вечеринки.

– Это очень нарядный джемпер, – осторожно сказала Максин. – Он прекрасно подойдет для вечеринки. Там будут мальчики?

– Мм... ну да, наверное...

Максин улыбнулась, понимая, что Дафна прекрасно знает, кто именно будет на вечеринке у Эммы. В новом джемпере от Валентино девочка, по-видимому, намеревалась сразить наповал какого-то восьмиклассника.

– А тебе не кажется, что в этом джемпере ты будешь выглядеть слишком взрослой? Не лучше ли надеть что-нибудь другое?

Максин сама еще ни разу не показывалась в новом джемпере. Ее разговор с дочерью прервало появление в кухне Джека. Он надел бутсы. При виде этого Зельда ахнула и всплеснула руками.

– Немедленно снимай эти ужасные ботинки, испортишь пол! – закричала она на мальчика.

Усмехнувшись, Джек сел прямо на пол и разулся. У Зельды дети ходили по струнке, и Максин одобряла это.

– Ваш матч сегодня, наверное, не состоялся из-за плохой погоды? – спросила Максин и, подойдя к старшему сыну, поцеловала его.

У Джека было две страсти – футбол и компьютер. Он помогал решать проблемы, возникавшие с компьютерами, всей семье. Любые неполадки Джек с легкостью устранял за несколько минут.

– Да, его отменили из-за проливного дождя.

– Так я и знала, – сказала Максин и сообщила детям о планах отца. – Он хочет поужинать с вами в День благодарения. Думаю, что ваш отец проведет в Нью-Йорке весь уик-энд. Если хотите, можете пожить с ним эти несколько дней.

У Блейка был роскошный пентхаус в пятидесятиэтажном доме, оборудованный по последнему слову техники, с мощными современными видео- и стереосистемами. Из окон квартиры открывался потрясающий вид на город. В одном из помещений находился домашний кинотеатр, в другом – игровая комната с бильярдным столом и электронными игровыми автоматами. Дети любили бывать в квартире отца.

– Ты тоже пойдешь с нами? – спросил Сэм, подняв глаза на Максин.

Он не любил расставаться с матерью. Отец был для него во многом чужим человеком. В отличие от старшего брата и сестры Сэм никогда не ночевал в пентхаусе Блейка, предпочитая оставаться с матерью.

– Если хотите, могу поужинать вместе с вами. Правда, сначала мы поедем на обед к бабушке и дедушке, и я боюсь, что наемся там до отвала мяса индейки. Думаю, вам будет хорошо с папой и без меня.

– Он приедет с подружкой? – спросил Сэм.

Максин не могла ответить на этот вопрос. Блейк часто приезжал в Нью-Йорк не один. Его женщины были молоды и красивы. Порой детям нравилось веселиться с ними. Но Максин чувствовала, что они ревнуют Блейка к его любовницам. Особенно Дафна, которая стремилась стать главной женщиной в жизни отца. Она считала его крутым, а Максин, по ее мнению, во многом уступала ему. В ее возрасте такое отношение к матери было вполне обычным. Максин не раз встречала в своей практике девочек-подростков, которые терпеть не могли или презирали матерей. Со временем это проходило, поэтому она не тревожилась по поводу нынешних отношений с дочерью.

– Я не знаю, приедет ли ваш папа один или с подружкой, – честно ответила Максин.

Возившаяся у плиты Зельда презрительно фыркнула.

– В прошлый раз он приезжал с какой-то воображалой, – заявила Дафна и, повернувшись, вышла из кухни.

Ей надо было еще порыться в гардеробной матери. Спальни детей и Максин располагались рядом вдоль одного длинного коридора, что Максин находила весьма удобным. Ей было приятно находиться в непосредственной близости от детей. Сэм часто забирался к ней в постель по ночам, заявляя, что боится темноты и страшных снов. На самом деле ему просто хотелось быть поближе к маме.

Кроме спален и кухни, у них были гостиная, довольно просторная столовая и небольшой кабинет, где Максин работала над научными статьями и готовилась к лекциям. Их квартира не шла ни в какое сравнение с роскошными апартаментами Блейка, похожими на паривший над миром космический корабль. Жилище Максин было теплым, уютным, семейным гнездышком, настоящим домашним очагом.

Войдя в свою спальню, чтобы высушить волосы, Максин застала там Дафну, которая энергично рылась в ее небольшой гардеробной. Вскоре она появилась с белым кашемировым джемпером и парой черных кожаных туфель от Маноло Бланика, остроносых, на высоких шпильках. Высокая Максин редко надевала их.

– В этих туфлях очень неудобно ходить, – предупредила мать. – В последний раз, когда я их надевала, я едва не подвернула ногу. Может, выберешь другие?

– Ну, мама, – простонала Дафна, – мне будет в них очень даже удобно.

На взгляд Максин, туфли явно не подходили тринадцатилетней девочке. Впрочем, Дафна выглядела старше своего возраста. Ей можно было дать пятнадцать-шестнадцать лет. Дафна стала настоящей красавицей с иссиня-черными, как у отца, волосами, правильными чертами лица и молочно-белой безупречной кожей, унаследованной от матери.

– Кажется, сегодня намечается грандиозная вечеринка. – Максин усмехнулась. – Там, наверное, будут интересные мальчики?

Дафна закатила глаза и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Ее поведение подтверждало правоту слов матери. Максин, конечно, беспокоило, что в жизни дочери появились мальчики. Но она, как никто другой, знала всю неизбежность этого. Конечно, с маленькой дочерью было меньше забот, но детство не могло длиться вечно. Если с Дафной возникнут какие-нибудь проблемы, Максин придется решать их самой без участия мужа. Впрочем, она уже привыкла к такому положению дел.

Приняв горячий душ, Максин надела махровый халат и вышла на кухню. Зельда подала ей и детям ужин – жареного цыпленка, печеный картофель и салат. Она хорошо готовила, особенно ей удавались шоколадные пирожные с орехами, трубочки с повидлом и блинчики. Максин часто с грустью думала, что из Зельды получилась бы великолепная мать. Но Зельда так и не встретила своего мужчину. В сорок два года вряд ли что-нибудь могло измениться в ее жизни. Не имея собственных детей, Зельда всем сердцем любила сыновей и дочь Максин.

За ужином выяснилось, что Джек идет в кино с другом. Он не мог пропустить новый фильм ужасов с реками крови. Максин должна была отвезти его на машине в кино, а после сеанса заехать за ним. Сэм собирался пойти завтра с ночевкой в гости к своему школьному приятелю, а сегодня вечером он хотел посмотреть видик, лежа в постели матери с пакетом попкорна.

Максин решила отвезти Дафну к подруге на вечеринку, а по дороге подбросить Джека до кинотеатра. Завтра, в субботу, ее ждало много дел, и все это предстояло согласовать с планами и интересами детей.

Поздно вечером того же дня, ожидая звонка Дафны, которую она собиралась забрать домой, Максин перелистывала журнал «Пипл» и наткнулась на фотографию Блейка. Он был снят на концерте «Роллинг Стоунз» в Лондоне вместе с известной рок-звездой, потрясающе

красивой полуобнаженной девушкой. Она держала Блейка под руку, а тот, стоя рядом, сиял от счастья.

Максин долго смотрела на эту фотографию, спрашивая себя, вызывает ли у нее этот снимок какие-нибудь чувства, и в конце концов решила, что нет. Рядом в постели мирно посапывал Сэм, выронив из рук пустой пакет от попкорна и сжав в объятиях любимого потертого мишку.

Максин начала вспоминать годы совместной жизни с Блейком. Начало их брака было очень счастливым, а в конце она оказалась одинокой, покинутой, разочарованной. Но сейчас все это не имело никакого значения. Максин уже не интересовало, с кем теперь встречается бывший муж. Его связи с моделями, звездами и аристократками не волновали ее. Она воспринимала Блейка как человека из далекого прошлого. Отец не ошибся: Блейк – отпетый негодяй и не годился на роль мужа.

Нежно поцеловав Сэма в шелковистую щечку, Максин думала о том, что довольна своей нынешней жизнью и ни о чем не жалеет.

Глава 2

Ночью дождь сменился снегом, температура значительно упала. К утру за окном все было покрыто белым покрывалом. Увидев эту картину, Сэм в восторге захлопал в ладоши.

– Мама, давай пойдем в парк! – воскликнул он.

На улице все еще шел снег, и пейзаж походил на картинку с рождественской открытки. Но Максин знала, что завтра все растает и превратится в слякоть.

– Хорошо, мой дорогой.

Максин невольно подумала о том, что Блейк из-за вечных странствий пропускает самое важное и интересное. Эта мысль часто приходила ей в голову. Блейк проводил время в поисках удовольствий, но, на взгляд Максин, все лучшее в жизни находилось здесь, рядом, а не где-то за горизонтом.

Дафна вышла к завтраку с сотовым телефоном в руке. Ей постоянно звонили, и она отвечала шепотом. Джек закатывал глаза, демонстративно негодуя, но не забывал при этом уписывать за обе щеки французские тосты, приготовленные Максин. Она была неважным кулинаром и умела готовить всего лишь несколько блюд. Налив себе полтарелки кленового сиропа, Джек вслух прокомментировал ситуацию. По его мнению, Дафна и ее подружки самым бесстыдным образом бегали за мальчишками.

– А ты еще не завел себе подружку? – с интересом спросила мать.

Джек имел массу возможностей познакомиться с девушкой. Он ходил в смешанную школу и, кроме того, брал уроки танцев. Но, похоже, его мало интересовали девчонки. Главным увлечением в жизни Джека стал спорт. Он любил футбол, бороздил бескрайние просторы Интернета и обожал играть в компьютерные игры.

В ответ на вопрос матери Джек пробормотал что-то нечленораздельное, продолжая поглощать тосты. Сэм в это время, лежа на диване, смотрел мультики по телевизору. Он успел позавтракать час назад, когда встал. По субботам дети поднимались с постели когда хотели, и Максин каждому готовила и подавала горячий завтрак.

Максин нравилось заниматься домашним хозяйством, но по будням у нее не оставалось на это времени. Утром она спешила в клинику проводить своих пациентов, а потом шла в офис, где работала до вечера. Она часто выходила из дома раньше, чем дети отправлялись в школу, но старалась каждый вечер ужинать с ними.

Мать напомнила Сэму, что он собирался сегодня пойти в гости с ночевкой к другу, и Джек неожиданно заявил, что намеревается сделать то же самое. Дафна сообщила, что к ней вечером придут подружки смотреть фильмы, а возможно, вместе с ними зайдут и мальчики.

– Это что-то новенькое, – заметила Максин. – Я их знаю?

Дафна с негодованием мотнула головой и вышла из кухни, всем своим видом говоря, что подобный вопрос не заслуживает ответа.

Максин сполоснула тарелки и поставила их в посудомоечную машину. Час спустя она вместе с детьми отправилась на прогулку в парк. В последний момент старший сын и дочь заявили, что тоже пойдут с ней и Сэмом. К сожалению, у них было только два пластмассовых диска для катания с гор, и поэтому Максин и Дафна взяли с собой еще два пластиковых мешка для мусора, которыми можно было обвязаться.

Они очень весело провели время до трех часов дня, съезжая с гор вместе с другими ребятами. Джек и Дафна визжали и кричали от восторга, как малые дети, хотя обычно старались во всем походить на взрослых. Вернувшись домой, Максин приготовила горячий шоколад со взбитыми сливками. Приятно было сознавать, что дети от души повеселились и подышали свежим воздухом.

В пять часов вечера она отвезла Сэма в гости к приятелю на Восточную Восемьдесят девятую улицу, а потом подбросила Джека в Виллидж и вернулась домой как раз к тому времени, когда к Дафне начали съезжаться друзья со стопками взятых напрокат дисков с кинофильмами. Максин заказала для них пиццу по телефону, а в девять часов вечера ей позвонил Сэм, чтобы узнать, все ли в порядке. По его голосу Максин сразу же поняла, что ему не очень-то хочется ночевать у приятеля. Она ответила сыну, что у нее все замечательно, и он сказал, что тоже в полном порядке.

Повесив трубку, Максин услышала взрывы смеха, доносившиеся из комнаты Дафны, и догадалась, что девочки сплетничают о мальчиках.

В десять часов пришли два смущенных тринадцатилетних парнишки, чувствовавших себя не в своей тарелке. Они были на несколько дюймов ниже девочек и явно отставали от них в половом развитии. Мальчики быстро съели оставшуюся пиццу и минут через десять, извинившись, ушли. Они так и не отважились заглянуть в комнату Дафны, проводя время на кухне. Девочек было в три раза больше, и ребята заметно оробели. Девочки выглядели более зрелыми и уверенными в себе. Как только гости ушли, они поспешили в комнату Дафны обсудить краткий визит.

Максин улыбнулась, слыша их веселое хихиканье. В одиннадцать часов зазвонил телефон, и Максин решила, что Сэм хочет домой. Однако это оказался не он. Сняв трубку, Максин услышала голос медсестры отделения «Скорой помощи» больницы Ленокс-Хилл. По ее словам, к ним доставили одного из пациентов Максин – шестнадцатилетнего Джейсона Уэкслера. Его отец скоропостижно скончался от инфаркта шесть месяцев назад. А десятью годами раньше старшая сестра погибла в автокатастрофе. Юноша проглотил горсть таблеток снотворного средства, которое принимала его мать. Это было уже его второе покушение на самоубийство. Джейсон страдал от сильной депрессии. Он винил себя в смерти отца, у которого случился инфаркт сразу же после шумной ссоры с сыном.

Находившаяся в комнате ожидания мать юноши рыдала не переставая. Джейсону уже промыли желудок, он пришел в сознание. Медики надеялись на благополучный исход, но если бы не их оперативность, Джейсон бы непременно погиб. Обнаружив сына в тяжелом состоянии, мать сразу позвонила в Службу спасения. Все решали минуты, и если бы она где-нибудь задержалась, то потеряла бы сына.

Максин внимательно выслушала сбивчивый рассказ медсестры. Больница находилась в восьми кварталах от ее дома, и она могла пешком дойти туда. Правда, снег к вечеру подтаял, а потом слякоть застыла, превратившись в ледяную скользкую корку. Тем не менее Максин была готова прийти на помощь своему пациенту.

– Буду через десять минут, – сказала она. – Спасибо, что позвонили.

Несколько месяцев назад Максин дала матери Джейсона номер своего домашнего телефона и мобильного. В выходные дни ее подменяла дежурная группа психиатров, но Максин обещала лично оказать своему пациенту помощь, если понадобится. Она, конечно, надеялась, что с Джейсоном не произойдет никакого несчастья, но жизнь была полна сюрпризов. Мать Джейсона переживала настоящую трагедию. После гибели дочери и смерти мужа сын остался ее единственной надеждой и смыслом жизни.

Тихонько постучавшись в комнату Зельды, Максин заглянула и увидела няню крепко спящей. Максин не хотелось ее будить. В конце концов, сегодня у Зельды выходной. Стараясь не шуметь, Максин закрыла дверь и направилась в свою спальню. Надев джинсы и толстый теплый свитер, она зашла в комнату дочери.

– Я должна провести своего пациента, – сказала она.

Девочка не удивилась и кивнула. Она знала, что особые пациенты матери требовали внимания даже в выходные дни. Дафна с подругами все еще смотрела фильмы, но теперь они вели себя тихо, стараясь не шуметь в столь поздний час.

– Зельда у себя. Если вам что-то срочно понадобится, можете обратиться к ней, – добавила Максин. – Но не будите ее по пустякам и не шумите на кухне. Пусть поспит.

Дафна снова кивнула и перевела взгляд на экран. Две подружки крепко спали на кровати, третья подпиливала ногти, а четвертая и пятая смотрели фильм.

– Я скоро вернусь, – сказала Максин на прощание.

Дафна догадывалась о произошедшем. Скорее всего пациент мамы попытался покончить с собой. Максин мало рассказывала о своей работе детям, но поводом для столь позднего визита в больницу могла стать только критическая ситуация, такая, например, как покушение на самоубийство.

Надев ботинки на рифленой подошве и лыжную куртку на меху, Максин взяла сумку и поспешно вышла из дома. На улице дул пронизывающий ветер. Не теряя времени, Максин торопливо зашагала по Парк-авеню в сторону больницы Ленокс-Хилл. Холод обжигал ее лицо, глаза слезились от ледяного ветра, но она упорно шла вперед. Через десять минут Максин переступила порог отделения «Скорой помощи». В регистратуре ей сообщили, в какой палате находится Джейсон. Врачи решили не помещать его в реанимацию. Он был еще слаб, но опасность уже миновала. В отделении ждали прихода Максин. Медики собирались обсудить дальнейшие методы лечения пациента.

Увидев Максин, Хелен Уэкслер бросилась к ней и зарыдала.

– Он чуть не умер... – всхлипывала несчастная мать.

Обняв Хелен, Максин бросила взгляд на спящего Джейсона сквозь стеклянную перегородку. Он все еще находился под действием снотворного, однако его жизни уже ничто не угрожало. Хелен беспрестанно твердила, что ее сын чуть не умер, и Максин решила вывести ее из комнаты ожидания в коридор. Она опасалась, как бы мать не разбудила Джейсона, для которого сон сейчас был лучшим лекарством.

– Он остался жив, Хелен, и скоро поправится. Вам повезло, вы вовремя спохватились и вызвали «Скорую помощь». Все будет хорошо, уверяю вас.

Все будет хорошо до тех пор, пока Джейсон не попытается снова наложить на себя руки. Этого нельзя допустить. Но статистика утверждала: тот, кто однажды пытался свести счеты с жизнью, обычно не останавливается на одной попытке – и с каждым разом риск смертельного исхода увеличивается. Максин сильно переживала, что ей не удалось остановить Джейсона.

Усадив Хелен в коридоре на стул, Максин несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, а потом заговорила. На этот раз Джейсона придется надолго госпитализировать. Максин предложила поместить его на месяц в психиатрическую клинику на Лонг-Айленде, с которой она сотрудничала. Врачи в этом лечебном учреждении очень внимательны к подросткам.

Хелен пришла в ужас от ее слов.

– Вы хотите, чтобы Джейсон провел целый месяц в клинике? Значит, его не будет дома в День благодарения? Нет, я не вынесу этого! Я не смогу провести праздник в одиночестве. У меня недавно умер муж, и это будет наш первый День благодарения без него.

Хелен умоляла Максин жалиться над ней, не понимая, что рискует жизнью сына, который может совершить третью попытку самоубийства, если не окажется в клинике. Она не желала смотреть правде в глаза. Если Джейсон останется дома, то наверняка не доживет до следующего Дня благодарения. Однако Хелен находилась в плену у иллюзий и не понимала очевидного. И Максин стала мягко, но настойчиво убеждать ее в своей правоте.

– Вашему сыну сейчас жизненно необходимы врачебная помощь и постоянный присмотр. Ему нельзя в ближайшее время возвращаться домой, особенно на праздничные дни, когда он будет постоянно ощущать, что отца нет рядом. По моему глубокому убеждению, пребывание в клинике в Силвер-Пайнс пойдет Джейсону на пользу, а вы можете приехать к нему туда на День благодарения и вместе отметить праздник.

Хелен снова разрыдалась.

Максин предстояло навестить пациента, и она договорилась с Хелен продолжить разговор позже. А пока Хелен согласилась с тем, что эту ночь Джейсон должен провести в больнице Ленокс-Хилл. У нее не было другого выхода, поскольку ее сын находился в тяжелом состоянии. Но о Силвер-Пайнс она даже слышать не хотела. По ее словам, это название ассоциировалось у нее с кладбищем.

Максин наконец зашла в палату к Джейсону, который все еще спал, прочитала историю болезни и пришла в ужас, узнав, какую огромную дозу снотворного принял ее пациент. Эта доза намного превышала количество таблеток, которое подросток проглотил во время первой попытки самоубийства. По-видимому, на этот раз он решил действовать наверняка. Непонятно, что заставило Джейсона снова пойти на этот шаг. Убедившись, что сегодня она не сможет поговорить с подростком, Максин решила прийти завтра утром.

Перед уходом она внесла запись в историю болезни, где рекомендовала перевести пациента на ночь в отдельную палату и приставить к нему сиделку во избежание повторной попытки суицида. За Джейсоном необходимо было постоянно присматривать. Максин сказала медсестре, что придет завтра в девять часов утра, и оставила на всякий случай номера своих телефонов. После этого вышла в коридор и снова присела рядом с матерью Джейсона.

Хелен находилась в отчаянии. Сегодня она могла потерять сына и остаться в полном одиночестве, которого так боялась. Мысль об этом сводила ее с ума. Максин предложила вызвать врача. Хелен нуждалась в успокоительных. Сама Максин не могла выписать их, поскольку не была знакома с историей болезни Хелен и не знала, какие лекарства та принимает.

Хелен уже связалась по телефону со своим доктором, и он обещал скоро перезвонить. Джейсон выпил все таблетки матери, и она осталась без снотворного. Вспомнив об этом, Хелен снова разрыдалась. Судя по всему, ей не хотелось возвращаться в пустую квартиру.

– Я могу попросить, чтобы в палату Джейсона поставили койку для вас, – предложила Максин. – Если, конечно, вы этого хотите.

– Да, конечно, – согласилась Хелен, но тут же ее глаза стали круглыми от страха. – Вы думаете, мой сын умрет?

– Нет, в этот раз беда прошла стороной, – ответила Максин, – но нам нельзя допустить, чтобы попытка самоубийства повторилась вновь. Дела обстоят очень серьезно. Джейсон принял смертельную дозу таблеток. Его удалось спасти только чудом. Именно поэтому я настаиваю, чтобы он лег в Силвер-Пайнс и пробыл там не меньше месяца.

На самом деле Максин рассчитывала, что подросток проведет в клинике более длительный срок, но не стала говорить об этом матери. Джейсону, скорее всего, придется лечиться два-три месяца в стационаре, а потом еще долго посещать ее сеансы психотерапии. К счастью, Хелен была в состоянии оплатить столь дорогое лечение, но не желала надолго расставаться с сыном. Максин видела по выражению ее глаз, что она хочет как можно скорее забрать Джейсона домой. Это была неразумная позиция. Впрочем, Максин часто сталкивалась с подобным поведением родителей.

Если Джейсона направят в психиатрическую клинику, это будет признанием того, что у подростка не просто небольшое психическое расстройство, а серьезная душевная болезнь. Хелен пугало это. Однако Максин несколько не сомневалась в том, что Джейсон страдал тяжелой формой депрессии со склонностью к суициду и нуждался в стационарном лечении. Его болезнь проявилась после смерти отца. Однако Хелен не желала признавать, что ее сын серьезно болен. Если завтра она вопреки предписаниям врачей захочет забрать сына домой, Максин не сможет воспрепятствовать этому.

И все же Максин надеялась на лучшее, Хелен должна одуматься. За ночь она успокоится и поймет, что от ее решения зависит жизнь Джейсона.

Максин попросила медсестер поставить в палату Джейсона койку для его матери и покинула больницу со спокойной душой, еще раз на минутку заглянув к пациенту. Он мирно спал, рядом находилась сиделка. Здесь Джейсона не оставят одного. К сожалению, палаты в больнице Ленокс-Хилл не запирались, но сиделка и мать подростка будут тщательно присматривать за ним. Он не скоро проснется.

Максин вернулась домой во втором часу ночи. На улице стоял страшный холод, а в квартире было тепло и тихо. Сняв верхнюю одежду, Максин заглянула в комнату дочери. Две ее подруги мирно спали в спальных мешках, а три остальные вместе с Дафной – на кровати. DVD-плеер все еще работал, актеры что-то бубнили на экране, и Максин вошла в комнату, чтобы выключить телевизор. И тут она учуяла подозрительный запах. Ни секунды не колеблясь, Максин почему-то сразу направилась к маленькой гардеробной дочери и, открыв дверь, увидела на полу две вскрытые упаковки с бутылками пива. Девочки были пьяны! Именно поэтому они заснули прямо в одежде. Вшестером осушили дюжину бутылок. Максин не знала, плакать ей или смеяться.

В их возрасте еще рано употреблять алкоголь, но Максин этот случай не показался уникальным. Подростки часто совершают подобные поступки, оставаясь без присмотра взрослых. Девочки воспользовались тем, что Максин срочно вызвали к пациенту в больницу, и налегли на пиво. Придется завтра серьезно поговорить с Дафной, хотя и не хочется портить с ней отношения.

Максин выставила пустые бутылки на туалетный столик, аккуратно выстроив в одну шеренгу так, чтобы девочки увидели их сразу, как только проснутся. Они выпили по две бутылки пива – слишком много для детского организма. Итак, трудный подростковый возраст начался. Максин сокрушенно покачала головой.

Лежа в постели, она долго размышляла о том, как теперь воспитывать дочь. Максин очень не хватало Блейка. Хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями и тревогами. Но ей, как обычно, пришлось справляться со всеми проблемами одной. Нацепив маску разочарования, она выйдет завтра на сцену, как актеры в театре кабуки, и строго отчитает дочь за предосудительный проступок. Максин прекрасно понимала, что впереди у нее еще много бессонных ночей. Ее дети, как и все сверстники, не застрахованы от проблем с алкоголем и наркотиками. Они могут попасть в дурную компанию. И, наверное, Максин еще не раз увидит их пьяными. Такова жизнь. То, что случилось сегодня с Дафной, еще не самое страшное. И надо иметь много сил для преодоления всех трудностей. С этой мыслью Максин заснула.

Проснувшись на следующее утро, она увидела, что девочки спят. Не успела Максин одеться, как позвонили из больницы и сообщили, что Джейсон очнулся и начал разговаривать с окружающими. По словам медсестры, мать подростка находилась в ужасном состоянии. Хелен Уэкслер встречалась со своим врачом, и он, вместо того чтобы успокоить пациентку, еще больше расстроил ее. Максин пообещала скоро прийти и повесила трубку.

Она отправилась на кухню выпить кофе. Зельда сидела за столом и читала «Санди таймс». Оторвав глаза от газеты, она улыбнулась хозяйке:

– Ну как, хорошо выспались?

Максин, тяжело вздохнув, села за стол.

Порой у нее возникало чувство, что настоящую помощь в воспитании детей может оказать только Зельда. Родители Максин устранились от воспитания внуков, хотя, конечно, любили их. На Блейка она не могла полагаться, так как он редко появлялся в Нью-Йорке.

– Не очень, – грустно улыбнувшись, ответила Максин. – Вчера дочь пересекла один важный рубеж, и меня это очень встревожило.

– Она съела слишком много пиццы?

– Нет, напилась пива. Впервые один из моих детей напился допьяна.

Глаза Зельды стали круглыми от изумления.

– Вы шутите?

– Вовсе нет. Я нашла в гардеробной Дафны двенадцать пустых бутылок от пива. Войдя к ней в комнату, увидела ужасную картину: шесть одетых девчонок спали вповалку на кровати и в спальных мешках. Вернее, не спали, а находились в полной отключке.

– А где вы были, когда девочки пили это зло-счастное пиво?

Зельду удивляло, что Дафна отважилась устроить попойку, зная, что мать находится в соседней комнате. Ее, как и Максин, эта история одновременно тревожила и забавляла. Произошедшее событие было важной вехой в их жизни, знаменовавшей наступление нового периода, к которому они не успели подготовиться. Мальчики, наркотики, секс, выпивка – одним словом, их ждали веселые деньки. У Дафны начинался переходный возраст.

– Поздно вечером я уехала на вызов и отсутствовала с одиннадцати до часу ночи. Одна из девочек, должно быть, принесла пиво в своем рюкзаке. Мысль о таком даже не приходила мне в голову.

– Теперь нам нужно быть настороже, – сказала Зельда.

Ее не пугало то, что отныне придется постоянно контролировать Дафну и ее подруг. Зельда твердо намеревалась не допустить повторения подобной истории. Теперь они с Максин знали, что вскоре возникнут проблемы с Джеком, а потом подрастет и Сэм. Нужно быть готовыми к этому.

Женщины поговорили еще немного, и Максин сообщила, что ей нужно навестить пациента в больнице Ленокс-Хилл. У Зельды был выходной, но она не собиралась никуда уходить. Зельда пообещала присмотреть за девочками в отсутствие хозяйки и добавила, что у них наверняка будет тяжелое похмелье после вчерашней попойки. Максин рассмеялась:

– Я выставила пустые бутылки на туалетный столик, и они сразу же поймут, что мне все известно о ночном кутеже.

– Когда они это увидят, им станет еще хуже, – качая головой, с улыбкой заметила Зельда.

– Так им и надо. Какая подлость – обмануть мое доверие и злоупотреблять моим гостеприимством! – сердито сказала Максин и вдруг, улыбнувшись, взглянула на Зельду: – Вот видишь, я уже приступила к подготовке обвинительной речи. Как тебе ее тезисы?

– Кажутся вполне убедительными. Вам надо строго наказать Дафну. Посадите ее под домашний арест и лишите карманных денег. – Максин кивнула. Они с Зельдой часто сходились во мнениях. Нянька обладала твердым характером – добрая в разумных пределах и в меру строгая, не тиран, не тряпка. Максин полностью доверяла ей и прислушивалась к ее советам. – А что случилось с вашим пациентом? Он попытался покончить с собой?

Максин молча кивнула.

– И сколько ему? – поинтересовалась Зельда.

Она уважала Максин за то, что та делала для подростков и их родителей.

– Шестнадцать.

Максин не хотелось вдаваться в подробности. Она обычно не рассказывала домашним о своей работе, а Зельда не расспрашивала ее. Она многое понимала без слов, читая по выражению глаз Максин все, что творилось у нее в душе. Когда кто-нибудь из пациентов погибал, Зельда сразу же догадывалась об этом. Ей было всем сердцем жаль погибшего ребенка и его родителей. Самоубийство подростка – всегда трагедия. Судя по тому, что у Максин постоянно было много работы, в Нью-Йорке находилось немало потенциальных самоубийц, нуждавшихся в психиатрической помощи. В сравнении с проблемой суицида подростков попойка шести тринадцатилетних девочек выглядела невинной шалостью.

Через несколько минут Максин вышла из дома и направилась, как обычно, пешком в больницу Ленокс-Хилл. Несмотря на холод и сильный ветер, день выдался ясный, солнечный. Максин не давали покоя мысли о дочери и ее ночном кутеже с подружками. В их жизни начинался новый период, и Максин была глубоко благодарна Зельде за ее всегдашнюю готовность

помочь. Теперь понадобится жесткий контроль над Дафной и ее подругами. Максин решила рассказать о поведении дочери Блейку, когда тот появится в Нью-Йорке. Родители не могли пустить дело на самотек. Теперь от Дафны в течение нескольких лет можно было ожидать всего, чего угодно, с тревогой думала Максин. С детьми легко ладить лишь до тех пор, пока они находятся в возрасте Сэма. Но время летит незаметно, дети подрастают. Скоро сыновья Максин тоже достигнут трудного подросткового возраста, и у нее прибавится хлопот. Но пока, слава богу, мальчики не доставляли ей серьезных хлопот.

Добравшись до больницы, Максин сразу же направилась в палату Джейсона. Бледный как полотно, он выглядел хуже некуда. Мать сидела рядом на стуле и, всхлипывая, что-то говорила мальчику. В палате находилась сиделка, но она старалась не вмешиваться в разговор матери и сына. Как только Максин вошла в комнату, взоры присутствующих обратились к ней.

– Как ты себя чувствуешь, Джейсон? – спросила Максин и, взглянув на сиделку, кивнула.

Та, не говоря ни слова, вышла из палаты.

– Вроде ничего, – буркнул подросток.

Он был сильно удручен. Впрочем, подобное состояние было нормальной реакцией на большую дозу принятого им накануне снотворного. Он и в предшествующие попытке самоубийства дни находился в депрессии. Судя по внешнему виду Хелен, она не спала всю ночь. Под глазами выступили черные круги. Она требовала от сына обещания не делать больше подобных поступков. Юноша нехотя согласился.

– Он обещал больше не сводить счеты с жизнью, – промолвила Хелен.

– Надеюсь, ваш сын сдержит слово, – сказала Максин.

– Я могу сегодня вернуться домой? – спросил Джейсон.

Ему не нравилось, что в палате постоянно дежурит сиделка. Здесь он чувствовал себя как в тюрьме.

– Нам надо серьезно поговорить, Джейсон, – сказала Максин. В розовом свитере и джинсах она сама походила на подростка. – Думаю, тебе еще рано возвращаться домой. – Максин никогда не лгала своим пациентам, и поэтому они доверяли ей. – Вчера ты принял огромное количество таблеток. Тебя едва откачали. Я не преувеличиваю, Джейсон. Ты действительно чуть не умер.

Джейсон отвел глаза в сторону. Ему вдруг стало страшно. При свете дня все его проблемы выглядели совсем по-иному.

– Я был пьян и не понимал, что делал, – попытался оправдаться он.

– Ты прекрасно все понимал, – спокойно возразила Максин. – Тебе нужно время кое-что обдумать, проанализировать свои действия и все разложить по полочкам. Это очень важно, Джейсон. Я полагаю, что во время праздников тебе лучше побыть вдали от дома, где все напоминало бы о твоём отце.

Она говорила прямо, без обиняков. Услышав слова доктора, Хелен в ужасе подняла на нее глаза. Матери казалось, что Максин бьет ее сына по больному месту и это может привести к новому срыву. Ведь Джейсон давно уверился, что это он убил отца.

– Я хочу, чтобы ты полежал пока в одном лечебном учреждении, которое я хорошо знаю. Это прекрасное место, там лечатся подростки и юноши четырнадцати-восемнадцати лет. Мама сможет каждый день навещать тебя там. Я решительно против того, чтобы ты возвращался домой, Джейсон. Из этого не выйдет ничего хорошего, поверь.

– Сколько времени я должен провести в лечебнице? – спросил подросток.

Он пытался говорить спокойно, но Максин видела, что Джейсон испытывает страх. Его пугала перспектива оказаться в четырех стенах психиатрической клиники. Максин понимала это, но не могла отпустить его домой – слишком велик был риск возобновления попытки самоубийства. Этого никак нельзя допустить. Профессиональный долг Максин состоял в предотвращении подобных трагедий.

– Пока речь идет об одном месяце, – осторожно сказала Максин. – По истечении этого срока мы поговорим о дальнейшем. Все будет зависеть от твоего состояния, Джейсон. Понимаю, тебе не хочется ложиться в клинику, но поверь, это необходимо. – Максин улыбнулась: – Кстати, там лежат пациенты обоего пола.

Ей хотелось расшевелить подростка, но последняя фраза не произвела на него никакого впечатления. Джейсон был слишком угнетен, и его сейчас не интересовали девочки.

– А что, если я откажусь лечиться в клинику?

– В таком случае мне придется уговаривать тебя до тех пор, пока ты не согласишься.

Вообще-то Максин могла отправить Джейсона на принудительное лечение. Она имела такое право, поскольку юноша представлял опасность для себя самого. Но подобные действия могли нанести душевную травму Джейсону и его матери. Максин предпочитала, чтобы ее пациенты добровольно ложились в стационар.

– Доктор, вы уверены в том, что моему сыну действительно необходимо интенсивное лечение? Сегодня утром я разговаривала со своим врачом, и он убежден – мы должны дать Джейсону еще один шанс... По его словам, мой сын находился в состоянии опьянения и не мог отдавать отчета в своих действиях... Кроме того, мой сын дал мне слово больше не делать таких ошибок в жизни.

Максин, как никто другой, знала, что подобные обещания гроша ломаного не стоят. Для Джейсона мало значили собственные обещания. Он лишь хотел, чтобы его оставили в покое, только и всего. Жизнь подростка находилась в опасности.

– Нельзя полагаться на слово Джейсона, данное в подобной ситуации, – прямо заявила Максин. – Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Молчание Джейсона доказывало правоту Максин. Подросток не стал спорить, однако его мать не сдавалась.

– Мне кажется, Джейсон, – обратилась Максин к пациенту, – твоя мама расстроена из-за того, что тебя не будет дома в День благодарения. Но я уже говорила ей, что она может провести праздник вместе с тобой в клинике. В этом учреждении визиты родственников только приветствуются.

– Мне наплевать на День благодарения, без папы мне не нужны праздники.

Джейсон откинулся на подушку и закрыл глаза.

Максин направилась к выходу, жестом позвав мать подростка за собой. Как только они вышли в коридор, в палату вернулась сиделка. Джейсона нельзя было оставлять без присмотра. В Силвер-Пайнс за ним тоже будут постоянно наблюдать. Палаты там запирались на ключ. Максин не сомневалась, что такой режим содержания пойдет пациенту на пользу.

– По моему убеждению, у нас нет другого выхода, вашего сына нужно лечить в стационаре, – сказала она Хелен, у которой по щекам текли слезы. – Я настоятельно рекомендую прислушаться к моим словам. Вам не хочется расставаться с сыном, но поверьте, вы не сможете гарантировать его безопасность, если заберете его домой. Вы не сумеете остановить Джейсона, если он снова попытается лишить себя жизни.

– Неужели вы думаете, что он может совершить новую попытку самоубийства? – испуганно спросила Хелен.

– Да, именно так. Более того, я уверена, что этого не избежать. Джейсон убежден, что это он убил отца. Необходимо время, чтобы ваш сын успокоился и перестал винить себя в его смерти. И сейчас самым безопасным местом для него является лечебное учреждение. Если Джейсон останется дома, у вас не будет ни минуты покоя.

– Но мой врач считает, что мы должны дать Джейсону еще один шанс. По его словам, мальчики этого возраста часто совершают попытки покончить с собой, стремясь тем самым привлечь к себе внимание взрослых.

Хелен повторяла одно и то же, как будто надеялась переубедить Максина. Но Максин понимала сложившуюся ситуацию намного глубже, чем мать подростка.

– Вы ошибаетесь, Хелен. Ваш сын стремился лишиться себя жизни, а не привлечь к себе ваше внимание. Он принял огромное количество снотворного. Неужели вы хотите, чтобы Джейсон снова сделал это или выбросился из окна? Вы не сумеете остановить сына, если он задумает покончить с собой.

Максин не желала скрывать от Хелен угрозы, нависшей над ее сыном. Та снова разрыдалась. Она боялась потерять сына.

– Хорошо, – наконец тихо проговорила она. – Когда он должен лечь в клинику?

– Я сегодня же узнаю, есть ли места в Силвер-Пайнс. Джейсона нужно отвезти в клинику как можно скорее. Здесь ему не смогут обеспечить безопасность. Это ведь не психиатрическая больница. Не беспокойтесь, в Силвер-Пайнс не так плохо, как вам кажется. Он должен пробыть там по крайней мере до тех пор, пока минует кризис. Возможно, после праздников Джейсон вернется домой.

– Вы имеете в виду Рождество? – в отчаянии спросила Хелен Уэкслер.

– Там будет видно. Поговорим об этом позже. Джейсону нужно прийти в себя.

Хелен кивнула. Она вернулась к сыну, а Максин тем временем позвонила в клинику и обо всем договорилась. В пять часов дня машина «Скорой помощи» должна была перевезти Джейсона из больницы в психиатрическую лечебницу для подростков. Хелен могла сопровождать туда сына, чтобы поддержать его и помочь устроиться на новом месте. Но ей не разрешалось оставаться в клинике на ночь.

Максин зашла в палату Джейсона, чтобы сообщить обо всем ему и его матери. Она обещала навестить подростка на следующий день, хотя для этого предстояло перенести прием записавшихся пациентов на другое время. Однако на завтра встреч с теми, кто остро нуждался в ее помощи, не планировалось.

Джейсон, казалось, уже смирился с мыслью о том, что ему придется лечь в клинику. Максин хотела еще немного побеседовать с ним и его матерью, но тут в палату вошла медсестра и сказала, что доктор Уэст желает поговорить с Максин по телефону.

– Доктор Уэст? – удивленно переспросила Максин. – Он хочет проконсультироваться со мной по поводу кого-то из своих пациентов?

К Максин часто обращались врачи за консультацией, но имя доктора Уэста она слышала впервые. Однако мать Джейсона, очевидно, была знакома с ним. Максин поняла это по обеспокоенному выражению лица женщины.

– Это мой доктор, – сказала Хелен. – Я просила его поговорить с вами и убедить вас в том, что Джейсон должен вернуться домой. Но теперь ситуация изменилась, мне как-то неловко... Простите... Но не могли бы вы все же поговорить с ним? Мне не хочется, чтобы он чувствовал, что позвонил зря. Может быть, вы сообщите мистеру Уэсту, что уже обо всем договорились со мной и Джейсон сегодня ляжет в Силвер-Пайнс?

Хелен сильно смутилась, и Максин поспешила успокоить ее. Ей часто приходилось общаться с врачами. Она спросила Хелен о специализации доктора, и та ответила, что мистер Уэст является терапевтом. Выйдя из палаты, Максин подошла к телефону на посту дежурной медсестры. Не стоит Джейсону слышать ее разговор с мистером Уэстом. Скорее всего, это простая формальность. Взяв трубку, Максин улыбнулась, настраиваясь на дружеский разговор с милым, наивным доктором, у которого отсутствовал опыт ежедневного общения с юными самоубийцами.

– Доктор Уэст? – проговорила Максин любезным тоном. – Говорит доктор Уильямс, психиатр Джейсона.

– Я знаю, кто вы, – снисходительно прозвучал голос в трубке. – Мать мальчика просила меня поговорить с вами.

– Я так и думала. Мы только что договорились отправить его сегодня во второй половине дня в Силвер-Пайнс. Я считаю это необходимым. Вчера вечером Джейсон выпил смертельную дозу снотворного.

– Поразительно, на что только не идут дети для того, чтобы привлечь к себе внимание, не правда ли?

Максин была изумлена, услышав в голосе Уэста покровительственные нотки с оттенком пренебрежения. Его слова были для нее как холодный душ.

– Но это вторая попытка суицида у подростка, – возразила она, перестав улыбаться. – Вряд ли он стал бы принимать смертельную дозу таблеток только для того, чтобы привлечь к себе внимание. Джейсон четко и внятно дает нам понять, что действительно хочет умереть. Мы должны со всей серьезностью отнестись к его поступку.

– А я считаю, что мальчику будет лучше дома с матерью, – заявил доктор Уэст. Он разговаривал с Максин так, словно она была ребенком или очень молоденькой неопытной медсестрой.

– Я психиатр Джейсона, – настаивала Максин, – и, по моему мнению, основанному на немалом профессиональном опыте, он проживет не больше недели или даже суток, если вернется домой.

Это были жестокие слова, и Максин никогда не произнесла бы их в присутствии матери Джейсона, но ей хотелось осадить высокомерного доктора Уэста.

– Все это звучит несколько истерично, – с досадой заключил доктор.

– Мать Джейсона в конце концов согласилась последовать моим рекомендациям. У нас нет другого выхода. Джейсон должен находиться под постоянным присмотром в запертой палате. Позволить ему вернуться домой было бы неоправданным риском.

– Вы всех своих пациентов сажаете под замок, доктор Уильямс?

Этот вопрос прозвучал как оскорбление, и Максин вспыхнула. За кого принимает ее этот заносчивый человек?

– Нет, только тех, кто может лишиться себя жизни, – твердо ответила она. – Не думаю, доктор Уэст, что состояние здоровья вашей пациентки улучшится после потери сына. А от этого может пострадать ваша репутация, не забываете об этом.

– Я как-нибудь сам позабочусь о своей репутации, – раздраженно сказал доктор.

– Сделайте одолжение! Что касается меня, то я очень дорожу своей, поэтому и пекусь об этом пациенте. Джейсон Уэкслер уже давно находится под моим наблюдением, и я не разделяю вашу точку зрения о его психическом состоянии и мотивах поведения. Если вы хотите составить мнение о моей компетенции в вопросах психиатрии, то зайдите на мой сайт в Интернете и познакомьтесь с размещенными там материалами. А теперь простите, мне надо вернуться к пациенту. Благодарю за звонок.

Доктор Уэст пришел в ярость, но Максин не стала слушать. Повесив трубку, она вернулась в палату Джейсона. По ее лицу трудно было догадаться, что она только что повздорила со своим коллегой. Хелен не должна знать об этом. Доктор Уэст оказался слишком самоуверенным человеком, не уважавшим чужое мнение, и это могло отрицательно сказаться на здоровье его пациентов и их близких.

– Все хорошо? – спросила Хелен, с тревогой глядя на Максин.

Максин надеялась, что выражение лица ее не подведет. Она широко улыбнулась, стараясь скрыть раздражение и досаду:

– Все замечательно.

В течение следующего получаса Максин рассказывала Джейсону о порядках и режиме в лечебном учреждении, где ему предстояло провести по крайней мере месяц. Подросток хотел казаться совершенно спокойным, однако Максин видела, что он боится оказаться в психиатри-

ческой клинике. Впрочем, страх сейчас владел им безраздельно. Джейсон едва избежал смерти, и жизнь пугала его. Он ненавидел этот мир.

На прощание Максин сказала Хелен, что та может звонить ей в любое время суток. Подписав бумаги, необходимые для перевода пациента в другое лечебное учреждение, Максин отправилась домой. Она все еще кипела от гнева, вспоминая разговор с идиотом доктором.

Добравшись до дома, Максин узнала, что Дафна и ее подруги все еще спят, хотя уже приближался полдень.

Максин решительным шагом вошла в комнату дочери и подняла шторы. В комнату хлынул яркий солнечный свет. Максин громко приказала всем вставать. Девочки нехотя зашевелились и, что-то бормоча себе под нос, начали подниматься. Вид у них был неважный.

Встав с кровати, Дафна увидела шеренгу пустых бутылок на туалетном столике и бросила на мать настороженный взгляд.

– О черт! – пробормотала она.

Ее подруги явно испугались. Максин окинула девочек холодным взглядом.

– Спасибо, что зашли, – невозмутимо сказала она. – А теперь одевайтесь и уходите. Вечеринка закончена. И не забудьте захватить все свои вещи. А что касается тебя, – она резко повернулась к Дафне, – то отныне ты в течение целого месяца будешь проводить все вечера дома. Тот человек, который еще хоть раз принесет сюда алкоголь, больше никогда не переступит порог моего дома. Вы злоупотребили моим гостеприимством и обманули мое доверие. С тобой, Дафна, у нас еще состоится серьезный разговор.

Дафна пришла в отчаяние. Как только Максин покинула комнату, девочки испуганно зашептались. Сейчас им хотелось только одного – побыстрее отсюда уйти. У Дафны в глазах стояли слезы.

– Я же вам говорила, что это идиотская затея, – сказала одна из девочек.

– Я думала, вы спрятали бутылки в гардеробной, – упрекнула Дафна подружек.

– Мы их и правда спрятали! – стали оправдываться они. – Твоя мать, наверное, туда заглянула.

Девочки чуть не плакали. Впервые в жизни они совершили столь серьезный проступок и теперь раскаивались. Но Максин знала, что на этом дело не кончится. Главные проблемы и неприятности были еще впереди.

Подруги оделись и быстро ушли, а Дафна отправилась на кухню для разговора с матерью. Зельда бросила на нее осуждающий взгляд, но промолчала, решив, что Максин сама разберется со своей дочерью.

– Мама, мне очень жаль, прости, – пробормотала Дафна и расплакалась.

– Мне тоже жаль, Дафна. Я всегда доверяла тебе. Мне не хочется, чтобы эта история поссорила нас, наши отношения бесценны.

– Я знаю... я не хотела, честное слово... мы думали, что...

– Ты наказана и целый месяц проведешь дома. Никаких развлечений! В первую неделю я запрещаю тебе даже говорить по телефону. Никаких прогулок с друзьями и тусовок. Кроме того, я лишаю тебя карманных денег. Надеюсь, произошедшее больше не повторится, – строго сказала Максин.

Дафна молча кивнула и побрела в свою комнату. Максин и Зельда слышали, как закрылась за ней дверь. Максин знала, что дочь сейчас плачет, но решила оставить ее на время одну.

– И это только начало, – с сокрушенным видом промолвила Зельда, и женщины рассмеялись.

Они не воспринимали эту неприятную историю как конец света, но Максин хотела, чтобы дочь надолго запомнила этот скандал и хотя бы некоторое время воздерживалась от подобных поступков. Тринадцатилетним девочкам еще слишком рано устраивать вечеринки с пивом.

Всю вторую половину дня Дафна провела в своей комнате, отдав мобильник матери. Лишиться сотового телефона было для нее настоящей трагедией.

В пять часов Максин поехала за сыновьями. Как только Джек вернулся домой, Дафна рассказала ему о том, что произошло в его отсутствие. Джек, изумленный глупостью сестры, сказал ей, что она вела себя как дура. Неужели она надеялась, что мама ни о чем не узнает? По мнению Джека, Максин видела своих детей насквозь. У нее, как у любой матери, был своего рода чувствительный радар и рентгеновский аппарат вместо зрения.

Этим вечером вся семья поужинала по-домашнему в кухне, а потом дети отправились спать. Завтра они пойдут в школу. В полночь Максин разбудил телефонный звонок. Дежурная медсестра из клиники в Силвер-Пайнс сообщила, что Джейсон Уэкслер только что совершил еще одну попытку суицида. Сняв пижаму, он скрутил ее в жгут и попытался повеситься. Присматривавшая за ним медсестра обнаружила это и помешала подростку уйти из жизни. Сейчас Джейсон чувствовал себя нормально.

Итак, Максин вовремя перевела Джейсона из больницы Ленокс-Хилл в психиатрическую клинику. Если бы не ее настойчивость, он мог бы погибнуть. Если бы Хелен последовала советам заносчивого доктора Уэста, которого Максин считала полным идиотом, то сегодня потеряла бы сына.

Максин пообещала заехать в клинику завтра во второй половине дня. Страшно было подумать о том, как воспримет эту новость Хелен. Слава богу, мальчик остался жив.

Лежа в постели, Максин размышляла об этом трудном уик-энде. Дочь впервые в жизни напилась, а один из ее пациентов дважды пытался покончить с собой. Впрочем, к счастью, все обошлось. Могло бы быть и хуже. Джейсон Уэкслер мог погибнуть. Хорошо, что его мать не прислушалась к словам Чарлза Уэста. По сравнению с тем, что произошло с Джейсоном, глупая выходка Дафны казалась детской шалостью.

Дверь спальни открылась, и к кровати, шлепая босыми ногами, подошел Сэм.

– Мама, можно я посплю с тобой? – жалобно спросил он. – Кажется, в моей гардеробной прячется горилла.

– Конечно, мой милый, ложись.

Максин подвинулась. Она не знала, следует объяснить сыну, что в гардеробной нет никакой гориллы, или лучше промолчать.

– Мама... – прошептал Сэм, уютно устроившись рядом с ней.

– Да, родной?

– Я наврал про гориллу...

– Знаю.

Максин улыбнулась в темноте и поцеловала сына в теплую щеку. Вскоре они уснули.

Глава 3

На следующее утро Максин уже в восемь часов находилась в своем офисе. До полудня она принимала пациентов, а потом поехала на Лонг-Айленд навестить Джейсона Уэкслера. В половине второго она добралась до психиатрической клиники в Силвер-Пайнс. По дороге съела полбанана и сделала несколько срочных звонков.

Максин больше часа провела наедине с Джейсоном, а затем встретилась с дежурным психиатром и матерью подростка. Максин долго говорила с Хелен, пытаясь успокоить ее. Хелен благодарила Максин за то, что та настояла на госпитализации Джейсона. Если бы он оказался дома, то его сейчас уже не было бы в живых. В клинике Джейсону помешали свести счеты с жизнью и оказали квалифицированную медицинскую помощь после третьей попытки суицида. Хелен признала правоту Максин. Теперь она полностью доверяла ей. Ее бросало в дрожь при мысли, что она могла лишиться сына, если бы увезла его домой. На этот раз Джейсон действовал наверняка. Он был исполнен решимости уйти из жизни. Подросток считал себя виновным в смерти отца. Юношу раздирали противоречия, и сознание вины не давало ему покоя.

Потребуется много времени, несколько месяцев, а быть может, даже лет, чтобы Джейсон залечил свои душевные раны и понял, что не несет ответственности за смерть отца. Для него пребывание в клинике должно было стать настоящим испытанием. Теперь Хелен не возражала, что ее сын проведет в лечебнице много времени и, возможно, не вернется домой даже к Рождеству. По мнению Максин, Джейсону предстояло лечиться в стационаре от шести месяцев до года. Другого выхода она не видела. Однако она пока не стала говорить об этом матери Джейсона, и без того потрясенной поступком сына.

В четыре часа дня Максин покинула клинику. На мосту ей пришлось простоять в пробке, и она вернулась в офис только после пяти часов. В половине шестого Максин приняла пациентку и после ее ухода стала проверять корреспонденцию. В этот момент ей позвонил доктор Уэст, врач Хелен. Максин не сразу ответила на его звонок. Ей не хотелось говорить с этим высокомерным человеком, она еще не забыла, как он отчитывал ее вчера, словно девочку. Кроме того, Максин расстроила очередная попытка суицида Джейсона. Несмотря на большой опыт и высокий профессионализм, Максин продолжала глубоко переживать за своих пациентов и их родственников.

Собравшись с силами, она все же сняла трубку.

– Алло! Говорит доктор Уильямс. – Максин внутренне приготовилась услышать надменный голос Уэста.

– Это Чарлз Уэст. – Как ни странно, в тоне врача не было обычной заносчивости, в его голосе звучали нотки печали. Уэст был явно расстроен тем, что случилось с подростком, и Максин по-человечески понимала его. – Сегодня утром я разговаривал с Хелен Уэкслер, она сама позвонила мне и сообщила о несчастье. Как чувствует себя Джейсон?

Несмотря на то что тон Уэста смягчился, Максин не поверила ему. Ей был неприятен этот человек. Скорее всего, врач Хелен сейчас обвинит ее в случившемся и снова потребует, чтобы Джейсона отправили домой. Максин прекрасно помнила его вчерашние доводы. Вряд ли с тех пор Уэст стал рассуждать более здраво.

– Сейчас Джейсон успокоился. Он помнит, что и почему сделал сегодня ночью. Его мучает чувство вины перед отцом. Он обещал матери больше не совершать попыток самоубийства, но не сдержал слова. – Максин не собиралась долго говорить с Уэстом и давать ему подробный отчет. – Подросток нуждается в лечении, он не остановится и в дальнейшем может снова попытаться свести счеты с жизнью.

– Я понимаю. Мне очень жаль, поверьте. Я хочу извиниться за вчерашний разговор и за свою грубость. Но поймите, я принимаю близко к сердцу проблемы Хелен. Джейсон – это

все, что у нее осталось. Мне кажется, она не была счастлива в браке. – Максин не собиралась обсуждать с Уэстом эту тему. – Я думал, что Джейсон просто хочет привлечь к себе внимание матери, – добавил врач. – Вы же знаете, как обычно ведут себя дети.

– Знаю, – холодно согласилась Максин. – Большинство из них не пытаются покончить с собой для того, чтобы привлечь к себе внимание взрослых. У потенциальных самоубийц есть определенные причины, толкающие их на отчаянные поступки. Джейсона, например, мучает чувство вины. И чтобы убедить его в том, что он не виноват в смерти отца, потребуется очень много времени и сил.

– Уверен, вам удастся исцелить его от душевного недуга, – сказал Уэст, и Максин поразила его смиренный, почти уничижительный тон. Вчера врач Хелен разговаривал с ней совсем иначе. – Я заходил на ваш сайт в Интернете, доктор, и меня впечатлили ваши заслуги. Вы высококлассный специалист, признаю это.

Уэст был смущен и расстроен тем, что вчера разговаривал с Максин как с полным ничтожеством, шарлатанкой, которая, по его мнению, пыталась манипулировать Уэкслерами и раздуть их незначительные проблемы до масштабов трагедии. Но, прочитав размещенные на сайте материалы, он узнал, где училась и работала Максин, какие исследования она провела и сколько научных статей написала, и почувствовал к ней уважение. Ее книги о проблемах подросткового суицида высоко ценились в научном мире. Максин пользовалась заслуженным авторитетом среди своих коллег-психиатров. По сравнению с ней Уэст был полным ничтожеством и, несмотря на всю свою самоуверенность, признал это.

– Спасибо, доктор Уэст, – ровным голосом сказала Максин. – Я знала, что Джейсон хочет умереть, а не просто припугнуть взрослых, поэтому настоятельно рекомендовала госпитализировать его.

– Я хотел извиниться за свое глупое поведение. Я давно знаком с Хелен, сейчас она находится в ужасном состоянии. Я являюсь ее врачом вот уже пятнадцать лет и знаю Джейсона с рождения. Муж Хелен тоже был моим пациентом. Но я и представить не мог, что Джейсон действительно способен наложить на себя руки.

– Я думаю, психическое расстройство произошло у него еще до смерти отца. По-видимому, гибель сестры произвела на Джейсона очень сильное воздействие. Шестнадцатилетние подростки чрезвычайно ранимы и впечатлительны. На детей в семье Уэкслеров возлагались огромные надежды, и после смерти сестры Джейсон почувствовал на себе большой груз ответственности. Он боялся обмануть ожидания родителей. Смерть отца подкосила его. Ему все это было нелегко пережить, и поэтому у Джейсона, как выражается молодежь, поехала крыша.

– Теперь я все это прекрасно понимаю. Еще раз прошу простить меня за вчерашнее.

Уэст говорил с искренним огорчением, и сердце Максин наконец оттаяло.

– Не расстраивайтесь, все мы ошибаемся и порой недооцениваем своих коллег. Психиатрия не ваша область. Я бы, конечно, не стала ставить менингит или диабет у ваших пациентов. У всех нас есть своя узкая специализация. В любом случае я рада, что вы позвонили. – Максин знала, что Уэст проглотил горькую пилюлю и надолго запомнит эту историю. – Вам следует внимательно присматривать за Хелен. У нее сильный стресс, и это может расшатать ее здоровье. Я рекомендовала ей обратиться к хорошему психиатру. Сейчас Хелен трудно без сына, которому придется провести в клинике несколько месяцев. Все эти переживания и огорчения могут негативно сказаться на состоянии вашей пациентки.

Максин было известно, что после смерти мужа у Хелен ослаб иммунитет. За последние полгода она несколько раз перенесла сильную простуду и страдала от постоянных мигреней. Три попытки суицида Джейсона и его госпитализация не могли улучшить ее здоровье, и Чарлз Уэст знал это.

– Не беспокойтесь, я присмотрю за ней, – пообещал он. – Я всегда внимательно слежу за состоянием своих пациентов, потерявших близких. После тяжелой утраты организм некоторых

из них начинает быстро разрушаться. Но Хелен пока неплохо держится. Я сегодня обязательно позвоню ей и узнаю, как она себя чувствует.

– Думаю, сейчас Хелен переживает этот тяжелый удар.

– В этом нет ничего удивительного. Любой на ее месте был бы вне себя от горя, узнав о третьей попытке своего ребенка покончить с собой. У меня нет детей, но я представляю, что в таких случаях переживают родители. Хелен уже потеряла дочь, потом у нее умер муж, а теперь над ее единственным сыном нависла угроза смерти. Врагу не пожелаешь такой участи.

– Вы правы, – грустно сказала Максин. – Хелен могла потерять и сына. Слава богу, этого не произошло. И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы этой трагедии не случилось. Во всяком случае, это мой долг.

– Я вам не завидую. У вас трудная работа.

– Да, легкой ее не назовешь, – сказала Максин и взглянула на часы. Через пять минут к ней на прием должен был прийти следующий пациент. – Хорошо, что вы позвонили.

Ее мнение об Уэсте действительно улучшилось. Не каждый врач на его месте стал бы извиняться перед коллегой и признавать ошибки.

– Теперь я знаю, к кому отсылать тех пациентов, у которых возникают проблемы с детьми.

– У меня большой опыт работы с детьми, пережившими серьезные травмы. Их лечение не оказывает на меня такого угнетающего воздействия, как работа с юными самоубийцами. Я, как правило, имею дело с маленькими пациентами девяти-одиннадцати лет, моя задача состоит в том, чтобы предотвратить отдаленные последствия полученных ими обширных травм. И скажу без ложной скромности: мне это удается.

– Я читал в Интернете ваше интервью на эту тему, данное корреспонденту «Нью-Йорк таймс». Вы добились потрясающих успехов.

– Я стараюсь.

Максин много сил и времени отдавала научно-исследовательской работе, выясняя, как травмирует психику больших групп детей то или иное событие, произошедшее в стране. Этой теме была посвящена ее вторая книга. Максин несколько раз даже выступала с сообщениями в конгрессе.

– Звоните в любое время, если у вас будут какие-нибудь новости о Хелен и Джейсоне. Я с благодарностью приму все ваши советы, – продолжал доктор Уэст. – Вы же знаете, что пациенты порой не все говорят врачу. Хелен – прекрасный человек, но она бывает скрытной. А мне очень важно все знать о ней, чтобы вовремя прийти ей на помощь.

– Хорошо, я позвоню, если в этом будет необходимость, – пообещала Максин.

В этот момент раздался сигнал аппарата внутренней связи. Записанная на пять часов тридцать минут пациентка явилась на прием без опозданий. Эта четырнадцатилетняя страдающая анорексией девочка после шестимесячной госпитализации в клинике Йельского университета чувствовала себя намного лучше, чем в прошлом году.

– Еще раз спасибо за то, что позвонили, – сказала Максин на прощание Уэсту.

В конце концов он оказался неплохим человеком. Только порядочные люди способны признавать свои ошибки и извиняться за них.

– Не за что, – сказал Уэст и повесил трубку.

Максин встала из-за письменного стола и пригласила войти в кабинет симпатичную худенькую девочку, выглядевшую моложе своего возраста. Этой пациентке можно было дать десять-одиннадцать лет, хотя ей должно было скоро исполниться пятнадцать. В прошлом году она едва не умерла от анорексии. О состоянии ее изнуренного организма свидетельствовали редкие волосы и отсутствие нескольких зубов, которые она потеряла в больнице. Одним из последствий тяжелой болезни могло стать бесплодие.

– Привет, Джозефина, проходи, садись, – тепло встретила Максин девочку и показала на большое кресло.

В него эта пациентка обычно забиралась с ногами и сворачивалась в комочек, как котенок, глядя на Максин огромными печальными глазами.

Уже через несколько минут Джозефина призналась, что на этой неделе стащила у матери слабительное, но, хорошенько подумав, не стала принимать лекарство. Максин спокойно восприняла ее слова, и они немного поболтали о том о сем. Джозефина рассказала, что вернулась в школу и встретила мальчика, который ей очень понравился. Ее жизнь постепенно налаживалась. Она чувствовала себя намного лучше. Но девочке предстояло еще проделать долгий путь к выздоровлению. В тринадцать лет она весила не больше шестидесяти фунтов, а сейчас ее вес уже составлял восемьдесят пять. Но для ее роста этого было явно мало. Их целью было сто фунтов. Джозефина старалась изо всех сил и каждую неделю набирала по фунту.

Затем Максин приняла еще одну пациентку, шестнадцатилетнюю девушку, год назад пытавшуюся покончить с собой. Ее руки были покрыты шрамами. За помощью к Максин обратился семейный доктор, и теперь они работали вместе, стараясь помочь девушке. За последнее время ее состояние заметно улучшилось.

Прежде чем отправиться домой, Максин позвонила в психиатрическую клинику в Силвер-Пайнс и узнала, что Джейсон ходил сегодня на ужин вместе с другими пациентами, а потом снова вернулся в свою палату. Дежурная медсестра сообщила Максин, что он все еще замкнут и молчалив. Однако первые шаги к выздоровлению уже были сделаны. С Джейсона все так же не спускали глаз, поскольку опасность повторения попытки суицида оставалась.

В семь тридцать вечера усталая Максин вошла в лифт своего дома. Ее встретил Сэм в костюме индюка. С громкими криками он стал носиться по комнатам. Максин невольно улыбнулась. Она всегда с радостью возвращалась домой. Однако на душе у нее по-прежнему скребли кошки. Максин переживала за Джейсона. Она всегда беспокоилась о своих пациентах и их родственниках.

– Хэллоуин давно прошел! – заявила Максин.

Сэм остановился, а потом, громко смеясь, бросился к матери. Он был крепким мальчиком и едва не сбил ее с ног, с разбегу уткнувшись лицом ей в живот и обнимая за талию.

– Знаю, мама. Но мне дали роль индюка в школьном спектакле, – с гордостью сообщил младший сын.

– Она тебе очень подходит, – заметил Джек.

Не снимая футбольных бутсов, он прошелся по ковру, оставляя на нем комочки грязи. Однако это не смущало Джека. В руках он держал стопку игровых дисков, которые на время взял у друзей.

– Зельда сейчас устроит скандал, – сказала Максин, глядя на грязные следы, оставшиеся на ковре.

И действительно, в холл тут же вышла Зельда и накинулась на Джека:

– Я выброшу эти ботинки в окно, если ты будешь расхаживать в них по дому, Джек Уильямс! Неужели ты не знаешь, что такую обувь нужно снимать у двери? Ты испортишь все ковры и полы! Сколько раз я должна повторять тебе одно и то же?!

Произнеся эту гневную тираду, Зельда с негодующим видом повернулась и удалилась на кухню. Джек сел на пол и снял бутсы.

– Прости, Зельда, – пробормотал он и улыбнулся матери. – Мы сегодня победили в матче с командой колледжа. Они настоящие лохи. Двое из них даже заплакали, когда проиграли.

Максин не раз видела, как плачут игроки команды, в которой играл ее сын. Мальчики в этом возрасте азартны и непредсказуемы. Они всерьез относятся к спорту и принимают близко к сердцу все неудачи. Они редко проявляют великодушие, одерживая победу, или стойкость, проигрывая сопернику.

– Я очень рада вашей победе. В четверг обязательно приду на вашу игру, – пообещала Максин. Для этого ей придется передвинуть часы приема пациентов. Повернувшись, она взгля-

нула на одетого в костюм индейки Сэма, который с обожанием смотрел на нее. – Когда состоится твой спектакль?

– Накануне Дня благодарения.

– Тебе дали слова, которые ты должен выучить?

Вместо ответа Сэм снова начал громко кулдыкать, и Джек в ужасе заткнул уши.

– Ужин будет готов через пять минут! – крикнула Зельда из кухни.

Вскоре она вышла и, взглянув на Максина, тихо сказала:

– Мы вас ждали.

Зельда всегда задерживала ужин, стараясь дождаться с работы хозяйку дома. Максин и детям нравилось ужинать вместе. Зельда знала, как важно для них собраться вечером всей семьей за одним столом. Максин ценила Зельду за понимание и преданность. Некоторые няньки или помощницы по дому пытаются рассорить хозяйку с ее детьми, но Зельда искренне любила Максина и все двенадцать лет верно служила ей. У нее никогда не возникало желания узурпировать права матери, однозначно принадлежащие Максину.

– Спасибо, Зельда, – сказала Максин и огляделась по сторонам. – А где Дафна? В своей комнате?

Наказанная наверняка сейчас дулась на мать.

– А Дафна забрала свой телефон и теперь все время кому-то звонит, – наябедничал Сэм, не давая Зельде ответить на вопрос.

Няня нахмурилась, бросив на мальчика недовольный взгляд. Она сама собиралась в подходящий момент рассказать Максину о непослушании дочери. Зельда ничего не скрывала, и Максин ценила это.

– Нехорошо ябедничать на сестру, – сказала Зельда.

Максин, вздохнув, направилась в комнату дочери. Дафна лежала на кровати и увлеченно болтала с кем-то по сотовому телефону. Увидев мать, она вскочила на ноги. Подойдя к дочери, Максин протянула руку. Даже не попрощавшись со своей собеседницей, Дафна нажала кнопку отбоя и молча отдала телефон матери.

– Могу я полагаться на твое честное слово или лучше запереть телефон в сейф? – суровым тоном осведомилась Максин.

Дафна сильно изменилась за последнее время. Раньше она ни за что не нарушила бы запрет матери и не взяла бы телефон, которым ей не разрешалось пользоваться. Тринадцатилетний возраст не зря считался трудным, и Максин не нравилось поведение дочери.

– Мама, прости, – пробормотала Дафна, избегая смотреть матери в глаза.

Зельда позвала всех ужинать. Джек явился на кухню босиком и в футбольных трусах. Дафна вышла к столу в той одежде, в которой обычно ходила в школу. А на Сэме все еще был костюм индейки. Максин сняла пиджак и надела домашние туфли. Весь день она ходила в туфлях на высоких каблуках. Максин всегда выглядела деловой и подтянутой и только дома позволяла себе расслабиться. Будь у нее время, она переоделась бы сейчас в джинсы и рубашку свободного покроя, но дети не могли больше ждать. Максин и сама страшно проголодалась и поспешила за стол.

Это был обычный семейный ужин, и Зельда села вместе со всеми за стол. Максин не допускала, чтобы Зельда ела одна, и обычно приглашала ее поужинать вместе с ней и детьми. Мальчики стали обсуждать события, произошедшие сегодня в школе, а Дафна, пребывавшая в плохом настроении, упорно отмалчивалась. История с телефоном не выходила у нее из головы. Девочка злилась на Сэма, который наябедничал на нее. Время от времени она сердито поглядывала на младшего братишку, строя планы жестокой мести.

Джек рассказал о прошедшем сегодня матче и обещал матери поставить новую компьютерную программу. После ужина все разошлись по своим комнатам. Максин тоже отправилась к себе, чувствуя себя разбитой после трудного рабочего дня. Зельда осталась на кухне, чтобы

убрать со стола и помыть посуду. Через некоторое время, собравшись с силами, Максин решила заглянуть к дочери и поговорить с ней.

– К тебе можно? – спросила она, приоткрыв дверь спальни девочки.

Максин всегда просила у детей разрешения, когда хотела войти в их комнату.

– Заходи, если хочешь.

Дафна лежала на постели и смотрела телевизор. Пройдя в комнату, Максин села на кровать рядом с дочерью. Дафна успела сделать уроки еще до возвращения матери с работы. Она всегда хорошо училась. Джек уделял учебе меньше внимания, он отличался несобранностью и много времени проводил за компьютером.

– Я знаю, ты злишься на меня, Дафна, – мягко сказала Максин. – Наказание кажется тебе слишком суровым. Но пойми, никуда не годится, если девочки устраивают вечеринки с пивом. А я бы хотела доверять тебе и твоим подругам и не бояться оставлять вас одних.

Дафна долго молчала, потупившись.

– Это была не моя идея, – наконец заговорила она. – Пиво принесла одна из моих подруг.

– Но ты позволила ей сделать это и потом пила пиво вместе со всеми. Семейный очаг – это священное место, Дафна. Я доверяла тебе, но ты обманула мое доверие. Это нехорошо.

Максин отлично понимала, что во всем виноват возраст Дафны, но она не могла не отреагировать на проступок дочери. Родители должны наставлять своих чад на путь истинный, это их святая обязанность. Дафна видела, что мать отчитывает ее без особого энтузиазма, и жалела только об одном – что Максин нашла пустые бутылки.

– Я знаю.

– Твои подружки обязаны уважать правила, принятые в нашем доме. Я не считаю, что устроить вечеринку с пивом было хорошей идеей.

– Другие дети ведут себя еще хуже, – вскинув голову, заявила Дафна. Она была права. Максин знала детей, которые курили марихуану или даже принимали тяжелые наркотики и употребляли крепкие алкогольные напитки. Многие девочки в возрасте Дафны вступали в половые сношения. В своей практике Максин часто сталкивалась с такими подростками. Одна из ее пациенток с шестого класса оказывала интимные услуги, занимаясь оральным сексом. – Что страшного в том, что мы выпили немного пива? – продолжала Дафна.

– Пойми, ты нарушила правила, установленные в нашей семье. И в этом заключается большая опасность. Один раз переступив черту, ты можешь зайти дальше. Где гарантия, что ты вовремя остановишься? Между нами существуют определенные договоренности, негласные или озвученные, это не имеет значения. Мы должны соблюдать их или вносить какие-то поправки после обсуждения. Но нарушать правила в одностороннем порядке нельзя. Я не привожу в наш дом мужчин и не устраиваю здесь диких оргий. Ты ведь хочешь, чтобы поведение твоей матери не выходило за определенные рамки, и я веду себя в соответствии с этим. Я не напиваюсь в своей комнате и не таскаюсь по ночам. Интересно, как бы ты себя чувствовала, если бы я вела себя неприлично?

Дафна невольно улыбнулась. Она не могла представить свою мать пьяной.

– Ты даже ни с кем не встречаешься, – заметила девочка. – Мама многих моих подруг приводят домой бойфрендов. А у тебя никого нет...

Дафна хотела задеть мать за живое, и ее слова достигли цели.

– Даже если бы у меня кто-то был, я все равно не стала бы напиваться, запершись в своей комнате. Пойми, Дафна, будь ты постарше, мы могли бы выпить вместе, или я разрешила бы выпить тебе в моем присутствии. Но закон запрещает употреблять алкоголь детям в твоем возрасте, и я не желаю нарушать его. Не забывай: тебе всего лишь тринадцать лет!

– Я помню, – буркнула Дафна и вдруг добавила: – Прошлым летом в Греции папа позволял нам пить вино. Даже Сэму немного налил. Папа не сходил с ума из-за того, что мы выпили по бокалу вина.

– Это совсем другое дело. Вы находились вместе с ним. Он сам налил вам столько, сколько считал нужным. Вы не напивались украдкой за его спиной. Кстати, я тоже не схожу с ума из-за того, что ты с подругами устроила ночью попойку. Мне просто хочется, чтобы ты поняла: этого больше не следует делать. Ты еще слишком маленькая, чтобы употреблять алкоголь. Нельзя начинать пить в твоём возрасте.

Поведение Блейка вызвало у Максин недовольство. Его методы воспитания отличались от тех, которых придерживалась она. Для него не существовало правил, которые нельзя было бы нарушить. Он менял женщин как перчатки. Впрочем, его подружек с трудом можно было назвать женщинами. Это были юные создания. Когда дети Блейка повзрослеют, может случиться так, что он начнет встречаться с их сверстницами. Максин считала бывшего мужа слишком ветреным и легкомысленным, он никогда не прислушивался к ее советам и замечаниям. Когда Максин говорила ему о том, что он должен серьезнее относиться к воспитанию детей, Блейк только смеялся.

– Значит, когда я стану старше, ты разрешишь мне выпивать дома? – спросила Дафна.

– Возможно. При условии, конечно, что я буду рядом. Но твоим подругам я не могу разрешить распивать в моем доме алкогольные напитки до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия. У меня из-за этого могут возникнуть серьезные неприятности, особенно если с ними что-нибудь случится.

Максин всегда свято соблюдала законы и следовала всем предписаниям и правилам, принятым в обществе. Дети знали об этом.

Дафна промолчала. Она поняла позицию матери и не хотела больше обсуждать ее. У ее подружек были разные родители. Одни давали своим детям больше свободы, чем Максин, другие вообще не придерживались никаких правил. Но были и такие, которые вели себя столь же строго, как и мама Дафны. Кому как повезло.

В комнату заглянул Сэм в костюме индейки.

– Можно мне не принимать сегодня ванну, мама? – спросил он. – Я весь день старался не пачкаться. Честное слово, я совсем чистый.

Максин улыбнулась, а Дафна демонстративно сделала звук телевизора громче. Это было знаком того, что она больше не желала разговаривать с матерью. Максин поцеловала дочь и вышла из комнаты вместе с младшим сыном.

– Тебе все равно придется принять ванну, дорогой, – сказала она Сэму.

– Если бы ты знала, как же мне не хочется, – вздохнув, пробормотал он.

Максин отвела сына к Зельде, которая уже с мрачным видом поджидала его, и зашла в комнату к Джеку. Он поклялся, что уже сделал уроки, и успокоенная Максин вернулась в свою спальню. Здесь она прилегла на кровать и включила телевизор. Максин любила такие тихие вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.